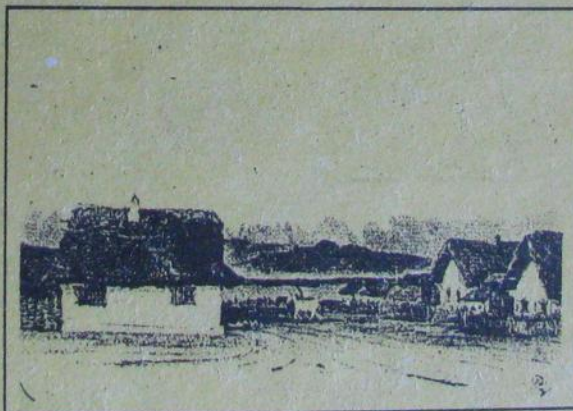

АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ. Вып. 10.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, Н. Н. ВЕЛИКАЯ,
Е. И. НАРОЖНЫЙ

НА ТЕРСКИХ БЕРЕГАХ

Армавир - 1997

АГПИ. КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ,
В. Б. ВИНОГРАДОВ, Н. Н. ВЕЛИКАЯ, Е. И. НА-
РОЖНЫЙ.

На терских берегах. Очерки об исторических
группах старожильческого населения Сред-
него Притеречья. Армавир. 1997. с. 64.

РЕЦЕНЗЕНТЫ: профессор, доктор исторических наук, заслу-
женный деятель науки Кубани Н. И. КИРЕЙ, кандидат истори-
ческих наук Д. Ю. ЧАХКИЕВ, кандидат исторических наук, до-
цент С. А. ГОЛОВАНОВА.

В книге раскрываются основные черты истории и традиционной культуры бо-
лее чем 10 разных по происхождению народов и этнических групп, стабильно про-
живающих на территории Среднего Притеречья, в границах бывшей Чечено-Ин-
гушской АССР, а ныне республик Ингушетия и Чечня.

Она написана академиком Международной Академии информатизации и Ака-
демии истории и политологии, заслуженным деятелем науки Российской Федера-
ции и Чечено-Ингушской АССР, профессором, доктором исторических наук
В. Б. Виноградовым, доцентом, кандидатом исторических наук Н. Н. ВЕЛИКОЙ,
старшим преподавателем Е. И. Нарожным (все - АГПИ) с участием еще ряда спе-
циалистов (см. "Содержание").

Издание рассчитано на историков, краеведов, учителей и учащихся различ-
ных уровней образования и, наконец, на всех тех, кому небезразлична судьба много-
национального Северного Кавказа как органической неотъемлемой части склады-
вавшегося в веках единого Российского государства.

На обложке: будущая станица Грозненская (с акварели П. А. Дьяконова
(середина XIX века)

АВТОРЫ СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЯТ
главу администрации г. Гулькевичи Краснодарского края
ЛАЗАРЕВА Павла Федоровича
и генерального директора ОАО «Темижбекский мукомольный
завод»

КЛИМОВА Михаила Ивановича
ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ЭТОГО ИЗДАНИЯ.
© В. Б. ВИНОГРАДОВ, Н. Н. ВЕЛИКАЯ, Е. И. НАРОЖНЫЙ.

Посвящается всем, кто вынужден-
но покинул свою малую Родину - Чече-
но-Ингушетию - в 1990-х годах.

К ЧИТАТЕЛЮ

Основа этой небольшой книги была написана в 1990 году в качестве
учебного пособия к спецкурсу "История и культура невайнахских групп до-
революционного населения Чечено-Ингушетии", разработанному межвузов-
ской кафедрой "Истории народов Северного Кавказа" в Чечено-Ингушском
государственном университете им. Л. Н. Толстого (г. Грозный), (см. одно-
именную программу спецкурса, составленную В. Б. Виноградовым, Н. М.
Ереминым и К. З. Махмудовой и опубликованную в 1989 г.). Ей предшество-
вало опубликование первого в вузовской практике коллективного труда, по-
священного собственно вайнахам, то есть чеченцам и ингушам, как "титულ-
ным", "заглавным" народам, давшим имя тогдашней автономной республи-
ке в составе РСФСР (см.: Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И.,
Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный
период). Учебное пособие. Грозный. 1990. 96 с.).

Это было вполне логичным и справедливым решением, которому, од-
нако, не удалось реализоваться в связи с известными событиями, перекро-
ившими последующую, современную историю Среднего Притеречья.

В конце 1991 - начале 1992 годов авторам вместе с другими представи-
телями научно-творческой школы профессора В. Б. Виноградова (ныне ака-
демика двух академий) пришлось покинуть родные места и частью сосре-
доточиться на Кубани, в Армавирском государственном педагогическом ин-
ституте.

Оказавшись в совершенно иных условиях жизни и работы, коллектив
не оставил, не забросил прежнюю проблематику, о чем свидетельствует
целый ряд соответствующих изданий (см.: Пути возрождения Терского ка-
зачества. Тезисы докладов региональной научно-практической конферен-
ции. 13 - 14 ноября 1993 г. Кизляр. 1993; Виноградов В. Б. "Уголок России,
отчий дом..." Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины. Арма-
вир - Кизляр. 1996; Вопросы Северокавказской истории. Вып. 1. Армавир.
1996; Виноградов В., Шейха А. Кавказ в передовой общественно-полити-

ческой мысли России (вторая половина XVIII - первая треть XIX вв.). Армавир - Грозный. 1996; Из практики кавказоведческих изысканий (1986 - 1996 гг.). Армавир - Грозный. 1996; Белецкая Е. М., Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. Москва. 1996. № 2; и др.).

Скажем больше, именно грозненские традиции во многом определили содержание и тональность некоторых современных публикаций на кубанские темы (см.: например: Виноградов В. Б. Средняя Кубань: земляки и соседи. Армавир. 1995; Историческое регионоведение - вузу и школе. Материалы Четвертой региональной научно-практической конференции. Армавир. 1995; Линейцы Средней Кубани в 300-летней истории Кубанского казачьего войска. Материалы научно-просветительской конференции. Армавир. 1996; и др.).

Считаем, что пришло время донести до читателей и сведения (пусть самые краткие!) о некоторых из тех народов и этнических групп, которые традиционно обитали в границах бывшей Чечено-Ингушской АССР, установленных в 1957 году. И здесь уместно привести справку Центрального статистического управления ЧИ АССР, выданную авторам 12 февраля 1990 года:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧИ АССР по итогам переписи 1989 г.

Общая численность населения - 1.270.429 чел.

Чеченцы - 734.501,
Ингуши - 163.711,
Русские - 293.711,
Украинцы - 12.637,
Белорусы - 2.577,
Грузины - 1.041,
Азербайджанцы - 1.108,
Армяне - 14.824,
Аварцы - 6.276,
Даргинцы - 1.102,
Кумыки - 9.553,
Лакцы - 1.102,
Ногайцы - 6.884,
Осетины - 1.821,
Татары - 5.102,
Евреи - 2.651,
Таты - 917,

Цыгане - 904,
Немцы - 733,
Болгары - 712;
ПРОЧИЕ - 9 861 чел.

Такова была общая картина, и она ко многому обязывает!.. Данная работа не претендует на полное, равноценное и всестороннее освещение историко-культурной специфики представляемых в ней старожильческих народов и этнических групп Среднего Притеречья. Это вряд ли и возможно сделать в первом опыте, продиктованном не только объективно назревшей необходимостью, но и эмоционально-духовным состоянием авторов - уроженцев тех мест, считавших себя вправе гордиться многонациональным составом своей малой Родины, чье формирование происходило столетия назад, оставив позади нелегкие, порой драматичные испытания и постепенно наполнялось новым содержанием, воплощая в себе неприходящие, истинные общечеловеческие ценности, "пробуемые" сейчас на прочность.

Отсюда проистекает и заметная "неровность", фрагментарность освещения отдельных сюжетов, разноаспектность подхода к некоторым объектам нашего интереса, нехватка конкретной информации или известная ее односторонность.

И все же: попытка - не пытка!..

Один из постулатов ислама гласит: "Земля принадлежит тому, кто ее оживляет"... Пусть эта небольшая подборка историко-этнографических очерков даст представление о тех, кто кроме предков современных чеченцев и ингушей обустроивал терские берега, трепетно относясь к этой земле, как к поистине родной!

Литература:

Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И., Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный. 1990.

Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный. 1979.

История народов Северного Кавказа. Тт. 1, 2. Москва. 1988.

Народы Кавказа. Т. 1. Москва. 1960.

Народы России. Энциклопедия. Москва. 1994.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный. 1967.

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ

Территория обитания терских казаков окаймляет собой полупустыню. В далеком прошлом этот низменный участок суши неоднократно заливался водами Каспийского моря, которые оставляли морские осадки в виде теперешних песчаных массивов.

Климат здесь был засушливым, осадков выпадало значительно меньше, чем на окрестных землях края (300 - 350 мм.). Летние температуры

достигали +43 градусов. Зимы были малоснежными, но морозы могли быть до -35. Зимой частыми были оттепели, гололедицы, снежные бураны. Летом дули иссушающие ветры с Каспийского моря.

Вот как описывал их А. Зиссерман: "в течение лета особенно с половины июня до сентября... дует какой-то северо-восточный ураган. Ничего подобного ни на Кавказе, ни в южной России я не встречал. Бывают в этих местах летом сильные ветры, дующие иногда десять дней кряду, поднимая тучи песка и пыли, сжигая всякую растительность и доводя до отчаяния не только людей, но и животных... Поддувание переходит в более резкие частые порывы, начинают закруживаться столбики пыли, птички, насекомые, даже собаки куда-то скрываются; начинается светопреставление... С воем и ревом несутся страшные волны бешеного урагана; окрестность скрывается как бы в сильном тумане; солнца не видно... От заноса песку не бывало никакого спасения."

В Притеречье преобладали песчаные почвы (а в северной и в северо-восточной части - барханские пески) за исключением узкой пойменной речной полосы. Здесь небольшими площадями встречались леса (дуб, клен, ольха, ива, тополь и др.). Из кустарников росли орешник, терновник, бузина и др. В степях были представлены в основном полынь, ковыль, а также некоторые кормовые и лекарственные травы.

Севернее Терека почти не было рек, озер и родников. В этой безводной местности лишь весной низкие места затоплялись водой. Примерно половину земель здесь представляли сыпучие пески и солончаки.

Кроме желтой глины, идущей на строительные нужды, до революции в Притеречье не были известны другие полезные ископаемые.

Животный мир был не богат (волки, лисы, зайцы, сайгаки и др.). Однако Терек изобилует рыбой (севрюга, осетр, лосось, сазан, сом и др.).

По мнению А. Вострикова, по сравнению с Кубанью почвы и климат Терека менее благоприятны для жизни. Обилие влаги у побережья (в том числе остающейся в застойных озерах после разливов Терека), низменный характер местности и др. приводили к тому, что здесь редко можно было встретить человека, который бы не болел лихорадкой (малярией).

Судя по статистическим отчетам, в Кизлярском отделе (куда входил нынешний Шелковской район) к началу XX века была самая высокая смертность по сравнению с другими районами Терской области.

ЗАСЕЛЕНИЕ КАЗАКАМИ ПРИТЕРЕЧЬЯ

Ранняя история казаков на Тереке изучена недостаточно полно. В литературе до сих пор нет единого мнения о первоначальном расселении казаков, их происхождении. Бесспорно лишь, что левобережье Среднего При-

теречья было тогда практически необитаемо, что и стимулировало начальную колонизацию.

Еще до революции возникло две точки зрения о старейшей на Северном Кавказе группе русского населения - гребенцах. Одни считали, что они выходцы из Рязанской земли, другие - с Дона. Дореволюционные авторы, опираясь на исторические предания казаков и чеченцев считали, что первоначально гребенцы проживали по рекам Аргун, Басс, Хулхулау, Воздвиженскому ущелью, по Качкальковскому хребту, при впадении Аргуна в Сунжу, при устье Сунжи, на первом хребте лесистых гор Большой Чечни.

Проблема первоначальных времени и места обитания гребенцов не решена и в современной историографии. Версию о донском происхождении отстаивает А. А. Шенников. По его мнению, миграция казаков на Терек из междуречья Дона и Хопра произошла в конце XV века. Серьезного рассмотрения заслуживает утверждение С. А. Козлова об участии населения Северо-Запада России в формировании гребенцов. Это подтверждают особенности говора, фольклора, обрядов. Интересно и то, что на двух старинных войсковых знаменах гребенцов был изображен герб Новгородской земли. Аргументы, приводимые авторами различных версий, лишней раз подтверждают сложный характер этнической истории ранних групп казачества на Тереке, "соборность" его формирования.

Согласно выявленным документам, уже в середине XVII века гребенцы в массе своей проживали на левобережье Терека. К началу второй половины XVII века здесь было не менее 30 их городков: Верхний и Нижний Червленый, Шевелев, Аристов, Шадрин, Оскин, Медвеженский, Гладков, Курдюков и др. Они были невелики по размерам, и всего в Гребенском войске в 1678 г. насчитывалось 500 человек-бойцов.

В XVIII в. Терское левобережье стало активно заселяться по распоряжению правительства.

По Указу Петра I на реку Аграхань были переселены семейные казаки с Дона (в помощь казакам бывшего города Терки). Затем в 1735 г. по Указу Сената 1000 семей донцов уже с Аграхани были расселены между терскими и гребенскими казаками тремя станицами: Каргалинской, Дубовской, Борздинской. Их стали называть Терско-Семейным войском.

В 1770 г. из Волжского войска на Терек было переведено еще 517 семей. Они были расселены на расстоянии 80 верст (от Моздока до Червленой) следующими станицами: Галюгаевской, Ищерской, Наурской, Мекенской, Калиновской. Казаки этих станиц составили самостоятельный Моздокский полк. Впоследствии к ним было присоединено около 200 семей с Дона.

В 1832 г. Моздокский, Гребенской и Кизлярский (куда вошло Терско-Семейное войско) полки вошли в состав Кавказского линейного казачьего войска, преобразованного в 1861 г. в Терское казачье войско.

В связи с событиями Кавказской войны для подкрепления Гребенского полка в 1843 г. в его состав были зачислены нижние чины Куринского полка. В 1847 - 1848 гг. в Щедринскую, Новогладковскую, Старогладковскую, Шелковскую были переселены крестьяне из Харьковской губернии. Ими была заселена станица Николаевская. В 1848, 1854 гг. на Терек прибыли небольшие группы украинских переселенцев.

В пореформенный период на Терек устремляются новые потоки русского и украинского населения, получавшие однако статус иногородних. Между старожильским населением станиц и переселенцами первоначально существовали резкие противоречия, не изжитые к началу XX века. В основе их лежала большая разница в образе жизни, материальной и духовной культуре. У гребенских и терских низовых казаков, длительное время обитавших в иноязычном окружении, выработалась своеобразная одежда, пища, жилища, обычаи, традиции, речь, изобилующая словами из вайнахских, тюркских, адыгских и иных языков.

Следует отметить, что в период проживания на левобережье Терека казакам приходилось вести постоянную борьбу с речными разливами (конец мая - июль). Поэтому нынешние станицы расположены не на прежних местах обитания - у реки, а значительно севернее. Так, станица Курдюковская располагается на теперешнем месте с 1812 г., Бороздинская, Старогладковская, Новогладковская - с 1814 г., Червленая - с 1816 г., Щедринская - с 1823 г.

В середине 1840-х годов царское правительство, решая насущные военно-стратегические задачи, в приказном порядке переселило часть терских казаков на реку Сунжу, на самый передний край борьбы против имамата Шамиля. Здесь очень скоро сформировалось "дочернее" сунженское казачество наиболее тесно и противоречиво связанное с горскими народами, так как казаки тут жили чересполосно с чеченцами и ингушами, вытесняя порой кавказцев с родных земель.

Эта часть терского казачества более всего была втянута в противостояние и открытую вражду с вайнахами, что имело далеко идущие последствия.

ОСНОВНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Левобережье Терека, расположенное в зоне полупустынь, имело небольшой фонд плодородных земель. Особенно это относится к центральной, средней его части. По словам Г. А. Ткачева, "нигде нет таких обширных

наделов, как в гребенских станицах, но нигде они так и не безотрадны". Лишь в прибрежной полосе слой чернозема едва доходил до двух вершков; под ним шла глина, смешанная с песком и пропитанная солями. Указанные природные условия оказали серьезное влияние на хозяйственные занятия гребенских казаков.

Согласно документу 1835 г., "жители Кизлярского округа частично только занимаются хлебопашеством, большею частью разведением скотоводства, шелководства, преимущественнее виноградных садов и рыболовством". Командир Гребенского казачьего полка граф Стенбок также отмечал, что "хлебопашество и скотоводство никогда не могли быть занятием гребенских казаков, так как малое количество земли, им принадлежащей, по большей части песок и солонец, скудно вознаграждают труд земледельца, за недостатком же в (плодородных - авт.) землях, вознаграждали их виноградные сады".

Гребенцы лишь в небольшом количестве выращивали пшеницу, рожь, ячмень, просо. После озимых сеяли яровые, на третий год - рожь, затем 4 - 8 лет участки использовались как выгон для скота.

Урожаи несколько увеличились после прорытия в последней трети XIX века Щедринского и Эриставского каналов. Однако и в этот период казаки зачастую не возмещали посеянного зерна. Урожаи составляли примерно "сам - 5". Гребенцам своего хлеба постоянно не хватало и на него выменивали арбузы и виноградное вино - чихирь.

Несколько лучшие возможности и иные приемы земледелия были у терских казаков. Притеречные камыши они уничтожали пожаром, затем пускали на поля скот, который вытапывал корни камышей. В первых числах марта поля вспахивали плугом, боронили, сеяли рожь, овес, ячмень, пшеницу, просо, кукурузу. После уборки пашню заливали водой и на лиманах высаживали фасоль, горох, чечевицу и др. Спустя 4 - 5 лет земле давали год - два "отдохнуть". Однако урожаи здесь в начале XX века также были невысокими.

Лишь у Моздокских казаков хлебопашество стояло на первом месте. Здесь встречались участки, где чернозем достигал почти аршина. В начале XX века в станице Наурской было собрано озимых 17.820 четвертей, яровых - 1.777 четвертей. Но почти все это шло на собственное потребление.

Казаки сеяли рожь, пшеницу, просо, ячмень, овес, горох, кукурузу. Из хлебных культур преобладала рожь, так как она была неприхотлива и росла в бурунах. Здесь же высевались озимые ячмень и просо. Пшеница давала плохие урожаи.

Бичом земледельцев в Притеречье являлись саранча, заморозки, но особенно - частые засухи. Ветер дул почти все лето, выбивая зерна из коло-

сьев. По наблюдениям П. А. Вострикова, "земля до такой степени нагревается, что всякая жизнь в полевых растениях прекращается. Трава и полевые злаки, высыхая, издают треск, земля расщепляется, просо засыхает, ужасом проникается сердце казака, когда он глядит на могилу потраченных трудов, надежд и сил".

Казаки Притеречья занимались и животноводством, разводили различные породы скота: овец, коз, коров, волов, буйволов. Зимой скот содержался в стойлах, летом находился недалеко от станиц. Часть гребенских и терских низовых казаков передавали свой скот на лето или на год караногайцам, которые выпасали его за часть приплода, муку, чай и др. Свиноводством, которое выполняло заметную роль в терских станицах. По мнению П. А. Вострикова, "казаки свиней не любят". Дореволюционные исследователи эту "нелюбовь" объясняли влиянием соседних мусульманских народов.

До 1917 г. каждый казак был обязан иметь строевую лошадь. Приобретение ее являлось важнейшей заботой. В Притеречье славились кабардинские и ногайские лошади. В работе их не использовали, они предназначались для верховой езды. Коневодство у казаков находилось на третьем месте после разведения крупного рогатого скота и овец. Уже в начале XIX в. в терских станицах появились первые конные заводы.

Как отмечалось, земли Кизлярского отдела были мало пригодны для ведения зернового хозяйства. И главной отраслью здесь стало виноградарство. Для сравнения укажем: в первой трети XIX в. в станицах Моздокского войска под виноградники было занято 73,3 десятины земли, Семейного - 269,5 десятины, гребенского - 1725 десятины.

Гребенцы говорили: "Где виноградная лоза, там и женская краса, там и мужская храбрость и веселая беседа за чапуркой родительского вина". Здесь виноград называли вторым хлебом.

Виноградные сады находились на берегу Терека. Их посадку осуществляли густыми рядами, вероятно, из-за ветров. По словам А. Ольшевского, в виноградных садах "вся забота и любовь казака". Здесь работали семьи с ранней и до поздней осени. Собранный виноград сразу же давили, переливали в бочки и оставляли бродить. Часть чапры и вина продавали заводчикам и скупщикам.

В середине XIX века виноделие, как и виноградарство в терских станицах несколько сокращается. Причинами этого были повышение акцизов, введение откупной системы, разливы Терека, новые болезни виноградников и др. И тем не менее в 1891 г. в одной Червленной было произведено вина 238.800 ведер.

На виноградниках и близ домов казаки выращивали фруктовые деревья: груши, яблоны, черешни, вишни, сливы, абрикосы, персики и др.

Здесь же сажали смородину, малину, крыжовник, клубнику. Плоды употребляли в свежем виде, сушили, из них варили варенье.

Важную роль играло огородничество. Казаки выращивали до 20 видов обобщей и бахчевых культур (свекла, редис, лук, капуста, огурцы, чеснок, перец, морковь, редька, репа и др.). Ни гребенские казаки, ни наурцы картофеля не выращивали.

В бурунах огромные площади занимали бахчи, где вызревали арбузы, дыни, тыквы. Не было такого казака, который не имел бы хоть одной десятины бахчи.

Особую роль в гребенских станицах играло рыболовство. Оно занимало второе место после виноградарства. Здесь рыба являлась главным продуктом питания. "Без рыбы ни в пиру, ни в похмелье, ни на поминках". Временами Терек перегораживали плетнями и таким образом за один день ловили до 100000 рыб. Часть улова в свежем и копченом виде отправляли в Кизляр и другие города.

Охотой занимались почти все мужчины-казаки. Она производилась преимущественно зимой, когда население было свободно от земледельческого труда. Выстрелить в птицу и не попасть - считалось для казака большим позором.

О давних охотничьих традициях казаков свидетельствует Указ Сената от 6 июня 1738 года, возложивший на гребенцов повинность пополнять дворцовую кухню фазанами, журавлями, оленями, кабанами и козами.

В XVIII - начале XIX вв. правительство всячески поощряло развитие шелководства на Тереке. Тутовые деревья разводили во всех станицах в приказном порядке. Кизлярский округ занимал по шелководству первое место на Северном Кавказе. В гребенских станицах им занимались и в предреволюционный период.

Ремесленное производство, как и торговля не считались престижными у терских казаков. По наблюдениям многих дореволюционных авторов, многие стыдились братья за ремесло. Примерно половина кустарей была людьми бессемейными. В терских станицах работали портные, сапожники, плотники, токари, бондари, печники, колесники, кузнецы, гончары и пр.

В XIX в. социальное расслоение в казачьей общине зашло достаточно далеко. Примерно девять процентов казаков не имели своего хозяйства. Они уходили из станиц на строительство железных дорог, на нефтяные промыслы, занимались пастухами.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ТЕРСКИХ КАЗАКОВ

Важную роль в системе духовной культуры населения Притеречья играли народные знания. Они были накоплены путем повседневных наблюдений за природными и социальными процессами и явлениями и использовались в текущей практической деятельности. Следует отметить, что и в XIX в. фонд точных рациональных знаний о природе и обществе был сильно ограничен. К тому же он самым тесным образом переплетался с разного рода религиозными представлениями, суевериями и пр.

Мы уже упоминали некоторые народные агротехнические знания терцев, связанные с системой севооборота, выбором сельскохозяйственных культур для выращивания, орошением и т. п. К этому добавим пространную цитату дореволюционного исследователя П. Семенова: "Казак-земледелец не обладает никакими теоретическими познаниями по части ведения своего сельского хозяйства, а между тем... он отлично справляется со своим делом. Постоянная наблюдательность, умение вовремя действовать заодно с темными силами природы, многолетний опыт спасают земледельца подчас от губительной оплошности. Такой земледелец должен знать, по силе своего личного и как вспахать, и унаследованного от отцов опыта, когда ему нужно поле вспахать и как засеять и заборонить; ему приходится сообразовываться при этом со множеством различного рода примет чисто реального характера. Есть лица, которые по присутствию известных сортов трав на ниве безошибочно определяют степень урожая; по работе крота судят о том, будет ли лето сухое или влажное; по обилию находимых гнезд полевой мышки заключают об урожае будущего года; иные по расположению, цвету и форме облаков предсказывают близость дождя, или же по восходу или заходу солнца судят о том, каков будет следующий день".

Таким образом, с хозяйственной деятельностью и народными земледельческими знаниями была тесно связана народная метеорология. Следует отметить, что сельскохозяйственные приметы, метеорологические наблюдения в России традиционно были совмещены с Юлианским календарем. Однако особые природно-климатические условия Притеречья внесли в него определенные изменения. Так, если в Центральной России с Крещением связывались морозы, то у казаков Крещение считалось поворотом к весне. У гребенских казаков долго держалась древняя традиция отмечать Новый год 1 сентября.

В народном календаре терских казаков выделялся специальный период, называемый "трушечьи валы". Это было время начала и середины июля, когда осыпались груши и высоко поднималась вода на Тереке.

Во многом, под воздействием практических условий и потребностей складывалась и народная астрономия. Князь А. Гагарин отмечал, что хотя

казаки часов не имели, но время определяли математически точно по солнцу и созвездиям.

Народная астрономия послужила питательной почвой для развития астрономических сюжетов, мифологии, фольклора и пр. Так, казаки считали Луну красной девицей, а Солнце - родной сестрой Луны. О Млечном пути говорили, что это дорога от одного края земли до другого, по которой странник рассыпал муку. Столь же мифические объяснения существовали для грома (топот лошадей и грохот колесницы пророка Ильи), горячего ветра (дыхание дьявола), вихря (танец нечистой силы). Они, в основном, пришли из недр восточнославянской духовной культуры.

Тем самым, своеобразный синкретизм народных знаний о мире заключался в тесном переплетении рационального и религиозно-магического, когда одно дополняло другое.

В той же степени это относится и к народной медицине казаков. Там, где причина болезни была видимой и ясной (простуда - от переохлаждения, расстройство желудка - от недоброкачественной пищи; рана - от удара) столь же рациональным и понятным было и лечение. При запутанной этимологии неизлечимых в тот период болезней (инфекционные, нервные и пр.) на первый план все более выступали магико-религиозные приемы.

В качестве лечебных средств казаки использовали многочисленные лекарственные растения и травы (подорожник, ромашку, мяту, чистотел, мак, тысячелистник и др.). Их лечебные свойства ныне подтверждены профессиональной медициной.

Достаточно распространенными приемами лечения были компрессы и пр.

До 20-х гг. XIX в. в казачьих городках не было ни одного врача, ни одной аптеки. В этих условиях народные лекари - знахари (мужчины и женщины) пользовались всеобщим уважением. Они лечили всевозможными снадобьями, заговорами, нашептываниями и пр.

С распространением официальной медицины народные лекари практиковать не перестали. Тем более, что серьезной конкуренции им практически не было. К началу XX века одна войсковая больница на 40 мест была лишь в станице Наурской и 2 приемных покоя на 5 мест были в Шелкозаводской и Дубовской.

Значительным пластом духовной культуры терских казаков являлись обычаи, которые регламентировали трудовую, общественную и иную деятельность людей.

К числу таких обычаев относится институт взаимопомощи. У терских казаков коллективные добровольные работы назывались "помочи". Они проводились во время пахоты, уборки урожая, сенокоса и пр. Общинники

приходили на помощь тем, кто в силу тех или иных причин не мог выполнить указанные работы (потеря кормильца, болезнь, несчастье в семье и пр.).

Для земледельческих работ были характерны различные формы взаимопомощи. Например, "спрягательство", при котором казаки сообща пахали, сеяли, убирали и малотили хлеб. Затем из полученного каждому выделялось посевное зерно. Остальной урожай делился либо поровну, либо пропорционально количеству затраченного труда и пр.

Было известно и складничество. Это, когда группа казаков работала на одного. Их труд впоследствии возмещался. Объединение казачьих хозяйств (минимум по 3 - 4 семьи) диктовалось во многом практическими потребностями. Так, в станице Гребенской, согласно статистическим данным последней трети XIX в., было только 4 двора, имевших все необходимое для пахоты (зерно, плуг, быки и пр.).

"Помочи" устраивались и при постройке дома. Сюда собирался большой круг соседей, родственников, что позволяло в кратчайший срок ("за лето") возводить новые турлучные дома. Работы были хорошо организованы: одни заготавливали лес, другие - его перевозили, третьи - месили глину... На такие праздники труда сходились много молодежи. Они сопровождались песнями, шутками. По окончании работ хозяин угощал станичников, принимавших в них участие. Как уже отмечалось, терские станицы неоднократно подвергались наводнениям, а также пожарам, но никто из казаков, благодаря обычаю взаимопомощи не пошел нищенствовать.

Одним из важнейших обычаев казаков было почтительное отношение к старшим. Об этом писали практически все дореволюционные авторы.

Несмотря на воинскую субординацию, рядовой казак-старик пользовался зачастую большим уважением, чем офицер. На улице при виде старика издали уменьшали шаг, снимали шапку и спешили поклониться. По установившейся традиции при старших никогда не курили, не появлялись не вполне одетыми, а женщины и девушки без головных уборов. Молодые в знак уважения называли стариков по имени-отчеству.

Одним из замечательных явлений духовной культуры казаков был старинный обычай гостеприимства ("хлебосольство"). Гостеприимство оказывалось всем, независимо от национальности и вероисповедания. Какой бы казак не был бедный, он всегда находил, чем угостить тех, кто посещал его дом.

В приеме разных групп гостей наблюдались некоторые различия.

Во время храмовых праздников, которые жители каждой станицы отмечали один или два раза в году, сюда съезжалось большое количество гостей с окрестных и дальних станиц и сел. Для приезжих накрывали столы на

храмовой площади. В домах также устраивались пиры, на которых присутствовали знакомые и незнакомые. По наблюдениям современников, такие праздники проходили шумно и весело.

Иной характер носил прием странников, нищих, беглых старообрядцев. Он отличался размерностью и спокойствием, что, очевидно, шло от христианской традиции. Указанная категория лиц пользовалась покровительством хозяина дома. Беглецов не выдавали. Впоследствии они находили приют в старообрядческих скитах близ станиц.

Если дом казака посещал кумык, чеченец, кабардинец или другой человек мусульманского вероисповедания, образа закрывались пеленкой. Вино на стол не подавалось, а гостю было дано право самому забить скотину или птицу, чтобы соблюсти "родные" обычаи.

Достаточно распространенным был и обычай куначества. Он определял пожизненную дружбу между людьми различных национальностей и вероисповеданий. Первым, кто описал данный обычай на Тереке и "испытал его на себе", был Л. Н. Толстой. По его словам, чтобы стать кунаком, т. е. другом, по обычаю нужно было обменяться подарками и затем принять пищу в доме кунака. После этой нехитрой процедуры становились друзьями на живот и на смерть. Кунаками терцев были кумыки, чеченцы, ногойцы, кабардинцы, представители других северокавказских народов. Этот обычай не был поколеблен и в период Кавказской войны. Он играл важную роль в экономическом и культурном взаимоотношениях соседних народов.

Аналогичное значение имел и обычай аталычества, при котором детей (мальчиков) отдавали на несколько лет в кумыкские, чеченские и иные семьи. И в то же время хорошо известно, что ряд представителей кавказских народов получили образование и знание русского языка в казачьих станицах (первый чеченский этнограф и историк У. Лаудаев - в ст. Наурской). По данным этнографа Б. А. Калоева, в прошлом у притеречных чеченцев (и по сей день явных приверженцев российской ориентации) было принято отдавать детей в казачьи семьи для обучения их русскому языку.

Аталычество способствовало сближению народов, лучшему пониманию быта и культуры друг друга.

Важнейшим элементом духовной культуры терских казаков являлась календарная обрядность. С наибольшим размахом отмечались зимне-весенние праздники, цель которых - обеспечить хороший урожай земледельческих культур, приплод скота, благополучие в семье, удачу на весь предстоящий год. Календарные обряды включали множество разнообразных элементов (запреты и гадания, торжественные трапезы и посты, игры и ряжения, дарения и богослужения, магические обряды и пр.).

Святки (от Рождества до Крещения) на Тереке сопровождалась колядованием и щедрованием, ряжением в козу и лошадь. К святкам были приурочены различные виды гаданий. Девушки гадали о замужестве. На Рождество, Новый год, Крещение обязательно поминали умерших родственников, варили кутью, воскуривали в доме ладан.

Промежуточное положение между зимними и весенними праздниками занимала масленица. На Тереке это празднество отличалось от средне-русского. Его встречали стрельбой, во всех домах пекли блины, рядились (в медведя). На масленицу устраивали скачки и джигитовки, то есть всадники выполняли на скачущих конях различные упражнения.

Масленицу на Тереке сопровождал обряд, известный под названием "держать и брать города". Он состоял в следующем. Казаки на лошадях должны были прорваться сквозь строй девушек, которые стояли на скамьях или на возвышенности, вооружившись длинными прутьями-палками. Начало игры сопровождалось лением девушек, после каждой отбитой атаки пение возобновлялось. Все жители станицы становились соучастниками праздника. "Город" считался взятым, если удавалось дотронуться до девушки. Эта игра напоминала неизменный элемент свадебной обрядности, когда жених приезжал за невестой и оказывается перед закрытыми воротами, которые нужно взять приступом или выкупить.

Завершающим обрядом масленичной недели было хождение в гости, называвшееся "просить друг у друга прощения". Родные, младшие шли в дом к старшим, зять к тестю и теще, внуки - к деду. По мнению краеведа прошлого века П. А. Вострикова, в этот день примирения и всепрощения шли к ближним и врагам, чтобы с облегченным сердцем приступить к говению в Великий пост.

Одним из наиболее почитаемых праздников была Пасха. В этот день все посещали церковь, выходя, поздравляли друг друга и шли домой разговеться после длительного поста. Во дворах и на станичной площади устраивали качели и карусели. С Пасхи начинали водить хороводы. На Тереке это означало следующее: девушки и парни становились в круг. Кто-то играл на гармонике, бил в медный таз, бубен, а пары по очереди танцевали лезгинку.

Свои особенности имело и празднование Троицы. Обычно пировали в складчину в домах или на улице стелили "парус". Девушки вили ("завивали") венки, с песнями бросали их в воду и гадали потонет или нет. В гребенских станицах самый большой и красивый венок помещали на "корабль" и пускали по воде. Троицкий корабль строили специально. В одних случаях он представлял собой трехметровую лодку, в других - маленькую модель корабля с мачтами и снастями. На корабль помещали кукол в казачьих кос-

тюмах, ставили им стол с едой и питьем. Затем корабль пускали по Тереку и начинали стрелять в него, с тем, чтобы потопить. Этот обычай имеет связь с древними обрядами жертвоприношений (воде или предкам, т. е. путь к ним лежал по воде), ритуальным отправлением на "тот свет" через потопление (вспомним формы старинного похоронного обряда в ладье), свадебными обрядами (в песнях звучал мотив увоза девицы на корабле).

"Пускание кораблей" в конце XIX - начале XX в. представляло собой, таким образом, сочетание разнохарактерных обрядов. Интересен и вариант, существовавший в ст. Гребенской. Здесь корабль с чучелом проносили по станице и из каждого дома в него бросали с криком и шумом гнилые овощи, тухлые яйца, больных и дохлых кур. Корабль спускали на воду, отгоняли подальше от берега и потопляли стрельбой. Подобный символ (своеобразный "козел отпущения") мог означать изгнание злых сил, смерти.

"Корабельная" тематика в фольклоре и обрядах гребенцов, по-видимому, не случайна и заставляет вспомнить гипотезу о новгородских ушкуйниках, отправляющихся на своих стругах в дальние плавания. Тем более, что в речи гребенцов элементы северного говора хорошо известны.

Еще одной отличительной чертой празднования Троицы на Тереке было почитание дубов, а не берез, в качестве основного троицкого дерева. Именно к дубам ходили завивать венки, дубовыми ветками украшали калитки и входные двери и пр. Цель указанных обрядов заключалась в приобщении людей к вегетативной силе дерева, зелени.

Одним из самых ярких обрядов семейного цикла, несомненно, была свадьба. Ей предшествовало сватовство, вечеринки. Перед венцом молодые получали родительское благословение. Свадебный поезд жениха был многочисленным и шумным: его сопровождали песни, стрельба, джигитовки. Прежде чем попасть к невесте, совершали выкуп ворот и места рядом с невестой.

После венчания в церкви ехали в дом жениха, где его родители и родственники встречали новобрачных хлебом, осыпали хмелем, деньгами, конфетами. В конце пира или на следующий день молодых одаривали. Свадьба продолжалась от 3 до 5 дней.

Следует отметить, что в казачьих общинах господствовал культ семьи и разводы случались крайне редко. По словам дореволюционного исследователя Г. Малякина, отличительной чертой казака было стремление к семейственности, своему дому. Общество порицало неженатых. Бедным же во время свадьбы казачий "мир" всячески помогал деньгами и продуктами.

Авторитет родителей в казачьих семьях был чрезвычайно велик и в то же время, по мнению современников, отношения в семье носили мягкий оттенок, редко можно было услышать резкое слово. Воспитание детей в

семье происходило как бы исподволь. Казак никогда не говорил сыну: "Я тебя воспитал", а - "Я тебя выкормил и выпоил".

В семьях дети знакомились с нормами поведения, со сказками, песнями, преданиями, семейной гениологией. Родители стремились воспитать в детях такие качества как трудолюбие, правдивость, смелость, уважение к личности, любовь к Родине. Во многом именно сложившаяся система воспитания на протяжении веков обеспечивала функционирование особого субэтнуса в составе русского народа на Тереке - казачества.

Литература:

- Белецкая Е. М., Великая Н. Н., Виноградов В. Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2.
Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала. 1986.
Виноградов В. Б. "Уголок России, отчий дом..." Армавир - Кизляр. 1996.
Еремин Н. По Указу Петра. Шелковская. 1990.
Еремин Н. М. Станица Червленая времен М. Ю. Лермонтова и ныне. Губкин. 1997.
Заседателева Л. Б. Терские казаки. Москва. 1974.
Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ. 1991.
Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков. Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю. Г. Агаджанова. Грозный. 1974.

АВАРЦЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИНЫХ ГОРНОДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ

Полевые этнографические материалы и в значительно меньшей степени письменные источники дают возможность выявить еще одну группу населения, оседавшую на территории бывшей Чечено-Ингушетии не только в XVIII - XIX веках, но и в предшествующие эпохи. Это выходцы из горного Дагестана, переселявшиеся, в основном, из-за малоземелья и кровной мести. Немало в вайнахских селениях оседало и дагестанских отходников. Чаще всего дагестанское по происхождению население фиксировалось в восточных районах Чечни. Из обследованных в 1969 - 1971 гг. 62 вайнахских селений в 58 пунктах зафиксированы тайпы и фамилии потомков дагестанских переселенцев. Наличие такого множества выходцев из Дагестана, находит свое объяснение в общих этнических границах с Анди, Гумбетом, Ботлихом и другими дагестанскими территориями, в совместном пользовании пограничными землями и пастбищами, в многообразных и длительных исторических связях, создавших возможности для взаимного этнического обмена. Вайнахское население различало среди дагестанцев следующие подразделения: сули, что означает аварец, а иногда и в целом дагестанцев, куьпчи, т. е. дагестанских отходников, изготовлявших керамическую посуду (видимо, даргинцы-сулевкентцы), ланди (андийцы), мелардой - аварцы из Гумбета, Глумки, т. е. кумыки и глазглумки - лакцы.

Фамилии, предки которых переселились из Дагестана, встречаются в самых восточных чеченских поселениях ауховцев. Это аварские по происхождению сули-некъи и тейпа Чунгарой, жившие в ауховском селе Цечой (Кешень-аул). Множество дагестанских по происхождению тайпов зафиксировано в Ичкерии. В селе Зандак живет тайпа Кудалой - сули, пришедшие из Дагестана при Шамиле. Кроме них в том же селении живут давние переселенцы сули Умархаджиевы и Ханмагомаевы из Мелардой, т. е. Гумбета. По рассказу Басха Абкаева (140 лет), уроженца того же селения, на его памяти обе фамилии уже жили в Зандаке. В той же Ичкерии напротив села Шовхалберды на правом берегу реки Ясси (Аксай) находится село Бетимокх, жители которого обосновались в этих местах при Шамиле. В начале 1970-х гг. это селение имело 70 дворов. Его жители считают себя чеченцами и не знают уже аварского языка, но соседнее чеченское население называет их сули. Как рассказывают жители еще одного ичкеринского села Дарго, в их селении помимо основной тайпы Белгатой живут некъи Ишинчалой и Органой, считающиеся пришлыми. Ишинчалой - это дагестанцы в четвертом поколении, переселившиеся из общины Мелардой из-за малоземелья и принятые в общину Дарго. Органой - также давние переселенцы из Дагестана, пришедшие оттуда из-за кровной мести. В настоящее время органоёвцы составляют в Дарго целый "гар". Аварскими (сули) по происхождению тайпы Ишинчалой и Органой признаются также жителями другого ичкерийского селения Белгатой. Тех же Ишинчалой называют в Макажое (Чеберлой) как дагестанцев-отходников, приходивших в эти края для продажи металлической посуды. По свидетельству жителей горного ичкерийского села Шуани, в их селении в настоящее время живут тайпы анди и сули, перешедшие в Чечню три поколения назад. Во времена Шамиля в это же селение переселилась из Дагестана тайпа Дзилой (20 хозяйств), которых шуанинцы считают сули. Дзилой, - это, видимо, выходцы из андийского села Зило. Аварской по происхождению признается также тайпа Карлой, живущая в ичкеринском селении Эрсеной. Значительно реже оседали в Чечне даргинцы. В горной Ичкерии удалось зафиксировать лишь одну фамилию, по происхождению куьпчи, живущую в настоящее время в селе Дарго.

Дагестанские по происхождению фамилии, в настоящее время считающие себя чеченцами, живут также в качкальковских селениях. В селе Хошкельды, например, есть 10 семейств, потомков лакских и аварских переселенцев, осознающих себя чеченцами и не знающих лакского и аварского языков. В том же селении жил Баязид Саидов (1885 года рождения), отец которого переселился из местности Шоларды, находящейся рядом с Гумбетом. В Хошкельды в числе тайпов этого селения называется тайпа Таркой.

видимо, кумыкского происхождения. В селе Герзель живет и еще одна дагестанская (сули) тайпа Чижинхой.

Не менее часто встречаются дагестанские по происхождению тайпы в другом горном обществе Чечни - Чеберлое. Так, например, дагестанскими переселенцами считается часть жителей села Ригахой или Пхъарой-эвл (т. е. селение мастеров), куда они пришли из местности Кидатлар. По рассказам местного населения, кидатларцы были мастерами-медниками. В селе Махкеты, неподалеку от Ведено, живет тайпа Цадахъарой, образовавшиеся из переселенцев-даргинцев. В настоящее время они считают себя "нохчи" и их родной язык - чеченский. Видимо, о таких же переселенцах-даргинцах сообщал И. Попов, писавший свой очерк об Ичкерии в укреплении Ведено в 1869 г. "Сел. Ца-Ведень, или Ахкиюртчу, - отмечает он, - в 1858 г. заселенное харочоевцами, прежде было занято исключительно выходцами из аула Цудахар, пришедшими из-за малоземелья в эти края еще до покорения Ичкерии".

Еще более многочисленны дагестанские по происхождению фамилии в селениях по р. Шаро-Аргуну. В Химое, по рассказам жителей этого селения, живут потомки переселенцев аварского села Гокури (чамалальское Гаквари). Факт переселения сюда дагестанцев находит подтверждение в документальных материалах 60-х годов прошлого столетия. "Мы с хакуаринским обществом, - писали в 1864 г. в Комиссию по поземельным спорам жители чеченского села Химой, - принадлежим к одной фамилии. В прежние времена мы действительно жили в ауле Хакуари, но, переселяясь постепенно на теперешнее место, которое тоже принадлежит Хакуари, мы выбрали здесь новую землю, а взамен ее отдавали ту, которой пользовались в Хакуари". В процессе разбирательства поземельных споров между гакваринцами и химойцами выяснилось, что последние, насчитывающие 100 дворов, не все по происхождению гакваринцы и значительную часть жителей составляли чеченцы. Однако в 60-е годы XIX в. в Химое жили также представители четырех коренных фамилий села Гаквари. Это старшина Али сын Раджаба, внук Али - Раджабилав-оглы, выходец из села Гаквари из Каркулойской фамилии, Пир Мугамет-оглы из фамилии Макус, Али и Мусамай Патир Хан Магулав-оглы из фамилии Асмулав. По определению того же документа, переселение гакваринских фамилий в сел. Химой произошло около 50 лет назад, т. е. в 1814 - 1815 гг.

Жители еще двух шароаргунских селений Кенхи и Бути, в настоящее время считающие себя чеченцами, по происхождению аварцы. В отличие от большинства таких же переселенцев они до сих пор не забыли родной язык и в равной мере говорят по-чеченски и по-аварски. В селе Джогулда в 1969 г. был записан рассказ об аварском происхождении жителей еще одного

шароаргунского селения - Хакмадой. Население по р. Шаро-Аргуну, объединяемое в тайпу Шарой, видимо, настолько насыщено переселенцами из Дагестана, что сами чеченцы считают эту тайпу наполовину аварской, наполовину чеченской, "хотя теперь, - говорят они, - все стали чеченцами".

Дагестанские по происхождению тайпы встречаются и в надтеречных селениях Чечни. В селе Толстой-Юрт (Старый Юрт) живут Теркой и Анди, в селе Кень-Юрт в конце прошлого века жили Анди, в сел. Знаменское (Мундар-Юрт) многие жители относятся к тайпе Органой. Те же Органой живут в селениях Гехи, Алхан-Кала, Пседах. В селе Урус-Мартан живут представители уже известной нам тайпы Дзилой (андийцы из села Зилой) и Чунгорой. В том же селении имеются потомки пришельца из Мелардой (Гумбет), уже давно осознавшие себя чеченцами.

Аварские и лакские по своим корням фамилии имеются и в западном чеченском селе Пседах. В настоящее время здесь живет второе, третье и четвертое поколение таких переселенцев. Это лакцы Михат Магомедов из лакского села Мукур и Магомед Магомедов, переселившиеся в Пседах на рубеже XIX - XX вв. Дети Магомеда Магомедова лакского языка не знают, поскольку жена его - чеченка. Сули по происхождению считается житель того же села Магомед Додов. До революции он работал по найму и пас овец у Аллероевых и Додовых. С согласия последних, а также старейшин села Пседах, Магомед был принят в их фамилию и стал называться Додовым.

Немало аварцев и представителей других горнодагестанских народов расселилось среди жителей Шелковского района. Но историческая судьба, связавшая их жизнь с терской землей, совсем иная. Первопоселенцы рассказывают, что в сороковых годах (вслед за ликвидацией в 1944 г. Чечено-Ингушской АССР и сталинско-бериевского выселения вайнахов с их родных земель) их (вновь административно-командным путем!) переместили с дедовских гор на территорию чеченской нагорной равнины (плоскости). В 1957 г. после восстановления Чечено-Ингушской АССР - новое перемещение, теперь уже на левый берег Терека, где имелись условия для занятия традиционным животноводством. Так в исконно осетинском селе Коби (см. "Осетины") появились соседи - аварцы.

Аварцев и других горнодагестанцев можно встретить в любом населенном пункте района, но больше всего живут они в станицах Бороздиновской и Дубовской. А в пору зимних перекочевок стад из горных пастбищ на территорию Ногайской степи группы "мааруалал" (так аварцы именовали себя, отличая от жителей низменных мест, ибо в переводе это название обозначает "горцы", от "маар" - гора) и их соседей по теснинам суровых Дагестанских гор пребывают с отарами скота на землях ногайского компактного обитания.

Литература:

- Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII - начала XX в. Москва. 1974.
Колосов Л. Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893 - 1917). Грозный. 1965.

АРМЯНЕ

"Армянская слободка", "Армянский вал", "Арментир"... Сегодня вряд ли кто даже из стариков Притеречья помнит эти названия в городах Кизляре, Моздоке, в близлежащих станицах. Но за ними скрывается целая история, корни которой уходят в глубь веков...

Среди народов, долгие столетия населявших бассейн Терека и ближайшие районы Дагестана есть и армяне. Уже с середины XVI века торговые представители этого деятельного народа появились здесь, организовав в 1667 г. торговую компанию в русском городе Терки, связанном многими нитями и с вайнахскими племенами. Затем, уже в XVIII веке, возникли в этих местах и постоянные поселения армян.

Причиной массового "исхода" из Армении был губительный кризис в армянской экономике и культуре, вызванный опустошительными войнами и нашествиями шахской Персии и Османской Порты. Переселение армян на пустующие земельные угодья между реками Терек и Кума устраивало и царское правительство, заинтересованное в самых разнообразных формах освоения края и укрепления своих позиций на Кавказе.

Древнейшим материальным памятником пребывания армян в низовьях Терека является недавно открытая и опубликованная Д. С. Васильевым (краеведом из Кизляра) надмогильная каменная плита с армянской надписью 1715 года. А спустя менее ста лет армян в Кизляре, например, насчитывалось более 4000 человек - треть всего населения города. Примерно такую же пропорцию составляли армяне среди обитателей Моздока. Но расселение их отнюдь не ограничивалось этими и позднее возникшими крепостями-городами (Владикавказ, Грозная и т. д.).

Еще до "Персидского похода" Петр I призывал армян переселяться из армянских областей Ирана и Турции в Россию. Именно с правлением Петра связаны существенные перемены на Тереке. Он считал Притеречье наиболее благоприятным районом (наряду с Астраханской областью) для развития виноградарства, виноделия, шелководства и других новых для российской экономики отраслей. Указами Петра I направлялась и поощрялась колонизация Притеречья армянами, для которых эти занятия были традиционными.

В тот период терское левобережье уже прочно вошло в границы Российской империи, активно заселялось и развивалось. На Терек вели пути

(через Дарьял и Дербент) из Закавказья. Близость Каспия и Волги способствовала выходу местных и привозных товаров в центральные районы страны. Таким образом, торговля здесь имела благоприятные условия и перспективы роста. Стабильная общественно-политическая обстановка в терском левобережье, развитие новых отраслей, торговли и промышленности привлекали сюда выходцев из Закавказья. По словам армянского историка Т. П. Арутюняна, в первой четверти XVIII в. "тяготение армян к России и их переселение в Россию действительно носило массовый характер".

Не последнюю роль в этом процессе играли и предоставляемые правительством льготы для армян-переселенцев: освобождение от подушного оклада, рекрутской повинности, от платы за землю под садами, возможность торговать в любой точке России и открывать свои предприятия и т. д.

Еще в 1710 году вышел на границы России купец-армянин Сафар-Ага, бежавший с родными и близкими от персидского произвола. Судьба этого предприимчивого человека заинтересовала Петра I. Специальным указом он поручил Сафару Васильеву (так стал именоваться Сафар-Ага в русских документах) "устроить на Тереке завод для делания шелка", повелев, "отвести ему лучшие земли, где и скольк потребно будет". Сафар избрал место вблизи гребенских казачьих городков, у известного брода-переправы, ведущего к предгорьям Чечни и Кумыкии. Здесь и возник шелковый завод, окруженный тутовыми садами, "в которых черви шелк рождают". При заводе вскоре же образовалось крупное селение из армян, грузин, а позднее и русских, причем армяне были вывезены Сафаровым из Закавказья "тайным и явным способом".

Уже в 1718 году с разрешения русского правительства Сафар "с протчими армянами" построил при заводе "своим иждивением" армянскую (григорианскую) церковь, в которой они (в отличие от государственных правил Персии) отправляли службу "по своему закону, без всякого препятствия и утеснения от тамошних жителей".

Первое время селение это не имело имени, а потом стало называться "Сарафанниковым" (тут, возможно, причудливо сплелось и имя основателя "Сафар", и обозначение одного из популярных типов русской одежды, изготавливаемой из местного шелка - "сарафан". К тому же именно в этих местах еще в XVII столетии располагался одноименный казачий городок). К 1772 году на шелковом заводе работало уже 227 армян, 153 грузина, 35 русских. С тех пор селение все чаще называлось Шелкозаводским. Под этим названием оно перешло по наследству помещикам Хастатовым (впоследствии родственникам М. Ю. Лермонтова).

Местность эта была широко известна и горским народам. Вот лишь один пример: вступая в подданство России в 1781 году, главные чечен-аульские

и аджи-аульские старшины от лица своих обществ брали на себя обязательство строго разобраться в обстоятельствах недавнего "пограбления в Шелковском Сафарниковом заводе церкви" и, если бы это оказалось делом рук их удалцо́в, "сыскав, все церковные вещи возвратить же..."

Эпизод этот не единичен в плане того, какое место занимало армянское население в сложной и противоречивой обстановке той поры.

В местности, где некогда располагался тот самый Шелковый завод, краеведом Н. М. Ереминым обнаружены остатки фундамента армянской церкви, а на старинном кладбище, по-соседству, выявлен целый ряд надмогильных надгробий с затейливой вязью по камню, сделанной армянским алфавитом. Вот лишь некоторые из этих эпитафий: "сия гробница жителя Астрахани сына Бали Сарапьяна", "Сия гробница владыки (то есть священника, - авт.) Исая, внука Махитара (1804 г.)", "Под камнем сим покоятся кости моздокского выходца Абрама Акоповича Черкизьяна. Родился 13 июня 1829 г. Скончался 12 февраля 1882 г.", "Это гробница Иоанеса Мкртыновича Гарабьянц. Рождение 1849 г. Скончался 1880 г."... Даже в этих скупых прощальных строках содержатся сведения и о широких перемещениях армян в Предкавказье, и о породнении некоторых их представителей с горцами (только так могла произойти фамилия "Черкизьян").

Группы армянского населения жили тогда в станицах Новогладковской, Червленной, Щедринской, Наурской. Когда бежавший из горского плена грузинский поэт Давид Гурамишвили появился в одной из гребенских станиц, он в числе первых вступил в контакт с неким Лазарем - обрусевшим или, по крайней мере, отлично понимающим русский язык армянином, трудившимся на гуме рядом с казаками. Немало было армян и среди тюркоязычного населения в селе Брагуны. Достаточно сказать, что в 1777 году около 1/6 части из 116 армян, приехавших в город Моздок назывались "выходцами из Брагунской деревни", где они жили постоянно и мирно.

Немало армян находилось и в аулах, селениях, обществах Чечни, Ингушетии, соседних областей. Ко второй половине XVIII века они уже прочно держали всю основную торговлю в этих местах. Армянские "лавки" и "торговые дворы" отмечены в таких крупных селениях как Чечен-Аул, Старый-Юрт (Девлеткире), Ангушт и других, а сам образ ловких, лукавых, заискивающих перед "сильными мира сего" армянских торговцев стал в чем-то переноситься в сознании широких слоев воинственных горцев на весь армянский народ. Это отразилось не только в фольклоре вайнахов, воспоминаниях очевидцев, но и в художественной литературе (знаменитое проклятие консервативно-мыслящего старика - "адеха" своему сыну в пушкинской поэме "Тазит"). Неразвитость товарно-денежных отношений в крае рождала косный стереотип: лучше взять добычу силой, чем купить или торговать ею.

Оттого-то положение армянских купцов, с большим риском совершавших наезды вглубь гор, было всегда непрочным и опасным...

Тем более, что в вайнахских, дагестанских, кабардинских, осетинских и иных аулах всегда находился и довольно многочисленный контингент армян-ясырей, то есть, пленников, захваченных в ходе военных набегов, ограблений купеческих караванов на Военно-Грузинской и иных дорогах, в результате целенаправленных хищнических действий нарождающейся горской феодальной верхушки в Закавказье с целью "пленопродавства".

В 1777 году в документах упоминается некий "армянин Гаврила Акопов", который живет в Кизляре "на поруках армянского старосты", будучи выкуплен из горской деревни Исысу (Исти-Су)". Аналогичных свидетельств известно много. Для краткости ограничимся лишь одним случаем: в апреле 1800 г. отряд моздокских казаков в "карабулакских горах" (ущелье реки Фортанги) отбил у "толпы, составленной из горских жителей... 57 пленных, большею частью грузин и армян, ко владению царя грузинского принадлежащих и выведенных скрыто горцами в Анапу и другие места на продажу туркам".

На протяжении XVIII - середины XIX века состав армян в Притеречье не раз пополнялся за счет бегства из персидских владений. Например, в 1799 году в ответ на обращение армянских меликов (правителей небольших областей) Нагорного Карабаха к императору Павлу I был дан указ, известный под названием "Жалованная грамота 1799 года", на основании которой большая группа карабахских армян расселилась вдоль Терека, от Моздока до Кизляра. Пополнялась "Притерская Армения" и в результате спасения из плена у горцев, что, разумеется, несколько затрудняло закрепление прочных симпатий и развитие миролюбия в отношениях. А это было выгодно властям: и царским, и правящим кругам имамата Шамиля, возглавившим на определенном этапе освободительную борьбу горского крестьянства.

Однако вопреки им, взаимное знакомство представителей разных народов (в нашем случае - армян и их соседей в бассейне Терека) играло прогрессивную роль, обогащая исторических партнеров.

Трудно переоценить важный вклад трудовых слоев армянских поселенцев по Тереку и его притокам в распространении передовых методов аграрно-производственной (шелководство, виноградарство, хлопководство, скотоводство), ремесленной (ювелирное дело, слесарное, кожевенное, камнерезное ремесла), архитектурно-строительной и особенно торговой деятельности среди горского и старожильческого русского (казаки), а также степного (ногайского) и "иностранного" населения плоскостной зоны Северного Кавказа и нашего края, как его органической части. Яркий след в деле защиты границ России от внешних врагов сыграл, "армянский добровольческий военный шквардрон" (эскадрон), многие офицеры и "нижние чины"

которого прославились личной отвагой, немалым вкладом в становление русско-кавказского историко-государственного единства, преданностью своей новой Родине

В процессе взаимоотношений и обогащения хозяйственно-культурными и иными навыками и опытом постепенно происходил отток армянского населения из сельских местностей и концентрация их в городах. Он особенно усилился во второй половине XIX века. Так, уже в 1868 году в крепости (через год - городе) Грозной проживало около 100 армян, в Порт-Петровске (ныне - Махачкала) - более 70, а во Владикавказе их число приближалось к 350. Новый приток армянского населения в наш край (транзитом через Северо-Западный Кавказ) случился в 1894 - 1895, а затем все более и "россыпью", с другими обитателями многонациональных северокавказских городов. Здесь втягивались они в новые отношения, в активную просветительскую деятельность. Потомки давних армянских переселенцев и недавних "выходцев" естественно воспринимали этот край как свою родину, землю, где долго жили их предки.

Литература:

- Армяне Северного Кавказа. Краснодар. 1995.
Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала. 1986.
Виноградов В., Нагапетян Г. "Армения" на Тереке // Комсомольское племя. 1989. 14 января.
Виноградов В., Бакаев Х., Нагапетян Г. Остановитесь, люди! // Комсомольское племя. 1989. 29 ноября.
Нагапетян Г. Ю., Ужахов М. Р. Притерские армяне XVIII - XIX вв. // К истории низовьев Терека XIII - XIX вв. Кизляр. 1991.

БРАГУНЦЫ

На живописном нешироком мысу перед самым впадением Сунжи в Терек уже около 350 лет стоит селение Брагуны. Его тюркоязычные обитатели именовались в исторических документах "брагунцами", "брагунами". До самого недавнего времени они считали себя кумыками и очень дорожили крепкими разнообразными связями со своими родичами в соседнем Дагестане. Но даже самые почтенные старожилы затрудняются твердо ответить на вопрос: "Брагунцы, кто вы и откуда?..."

А начинать надо издали.

Есть в окрестностях Кисловодска древнее городище "Рим-гора". Тайны этой могучей крепости волновали многих ученых. Но лишь недавно удалось установить, что она была заселена в VII в., а опустела в страшные годы монголо-татарского нашествия.

"Рим-гора" имеет и другое название - Боргустан-Кала. Именно так ("Крепость-Боргустан") упомянул ее в XVII в. турецкий путешественник Эвлия

Челеби. В ближайшей округе известны и другие схожие названия: Боргустанский хребет, Боргустанская станица, речка Боргуста... Как объяснить их появление? Как понять яркие сюжеты местного фольклора о некогда находившемся тут становище Бургана - вождя воинственного и богатого племени скотоводов, прославившегося своей жестокостью и набегами на соседей? Случайно ли, что основа всех этих названий расшифровывается с тюркского языка и, по мнению авторитетного знатока профессора Л. И. Лаврова, означает "баргъан" - "прередвигающийся с места на место, кочующий" и, следовательно, Боргустан - это место пребывания (страна, стоянка) борганов.

Наконец, разве не показательно, что подобные названия известны не только в Пятигорье? Река Сунжа именовалась грузинскими средневековыми авторами "Борганис-Цкали" (Борганская река). И тут же, вблизи Назрани до сих пор стоит белокаменный мавзолей начала XV в. под именем "Борга-Каш" (Боргана могила) - склеп "борганских князей", как гласят легенды, записанные российскими "любопытцами" еще в начале XVIII века.

А ведь есть еще и селения Брагуны, стойко упоминающееся в источниках на протяжении ряда столетий...

Достаточно осознать, что все эти названия объединены общим именем тюркоязычного племени, чтобы разрозненные факты превратились в достаточно стройную гипотезу.

"Похождения" боргано-брагунцев в XVI - XVII веках вполне ясны. В то время они - уже не столь значительное и многочисленное племя (число их воинов определялось в разных документах от 300 до 500 пеших и конных) - стали яблоком раздора между кабардинскими и кумыкскими князьями. В 1598 году русские воеводы города Терки хорошо знали принявшего российское подданство первостепенного дворянина ("козлара"), а затем "сиятельного мурзу" Таимаса Барагунского, его детей, "все их владения", расположенные в "Кабарде" и подвластные кабардинским князьям. Но в 1619 году кумыкский правитель селения Эндери разгромил и захватил "брагунцев" и "вывел их из Черкас" (черкасами часто называли кабардинцев), поселив в своем княжестве на берегу реки Аксай. Зависимость от кумыков длилась до 1651 года, когда кабардинский князь Муцал с согласия русской администрации "отнял" брагунцев у князя Эндерийского и переселил их на нынешнее место обитания под защиту русского Сунженского острога.

Той же осенью некоторые дагестанские феодалы, поддержанные персидским войском и отдельными чеченскими военачальниками сожгли Сунженский острог и вновь увели брагунцев в Северный Дагестан, превратив в зависимых от Шамхала Тарковского. И лишь в конце XVII в. брагунцы вновь вернулись к устью Сунжи, где осели окончательно, войдя в состав России и

получив от нее надежное покровительство. С тех пор они приняли в свою среду представителей многих других народов. Не раз брагунцы воевали вместе с русскими против общих врагов. Больше в их судьбе не было тяжелых передряг и мучительных миграций.

Но последующая история этой небольшой тюркоязычной группы старинных обитателей нашего края впечатляюще богата и разнообразна. Брагунцы пережили еще многочисленные невзгоды и тревоги от вторжений туго-рецко-крымских захватнических войск и от межфеодалных усобиц, терроризировавших население бассейна Терека до принятия им российского подданства. Они во главе с самыми дальновидными своими лидерами,крепили отношения дружелюбия и мира с соседями, приняв подданство России со стороны крупнейших равнинных обществ Чечен-Аул и Аджид-Аул в январе 1781 года. Это стало возможным потому, что уже несколько десятилетий наиболее почетные брагунские старшины играли важную роль посредника при улаживании самых опасных внутривайнахских конфликтов и трений. Высоко слыла воинская доблесть брагунцев, ставших к концу XVIII века одними из первых в нашем крае офицерами российской армии, стойкость в тяжкие годы внешних происков, приграничных волнений, войны с имамом Шамиля. Достаточно перелистать архивные документы XVIII века, связанные с историей вайнахов, осетин, кабардинцев, дагестанцев, грузин, чтобы убедиться: округа селения Брагуны, расположенного на перекрестке важнейших военно-торгово-дипломатических путей той эпохи, всегда в центре внимания. Здесь побывал во время знаменитого "Персидского похода" и император-преобразователь России Петр I: лично "апробировал" местные целебные ключи.

Эти последние, так называемые "горячие воды", стали надолго предметом научного интереса. Их не раз изучали и давали высокую оценку их лечебным качествам многие специалисты. Вот, например, отрывки из доклада Екатерине II, посланного в 1774 г. П. Н. Кречетниковым: "через реку Терек переправились, ехал по займищу до Брагунской деревни, коя имеет в себе дворов до трех сот татарских... От нея поехал к горячему колодезю верст семь. Положение места весьма хорошее и все луга близь того колодезя, а потом поднимается высота небольшая, а площадь вокруг великая и гладкая. Тут два разные ключа открытые, но не вычищены, от чего в воде слизи много и бьют оные очень сильно, вода столь горяча, что пальца опустить никак невозможно..." Далее, рассказав о своих незамысловатых экспериментах по исследованию источников, П. Н. Кречетников делает вывод: "На сем месте если теплицы зделать, то весьма удобно и положение места на то строение весьма полезно и затруднения в расчистке не причинит. Ко

удобству же людей лесу вокруг довольно много и до Терека от ключей не более двух верст..."

Ему вторит С. Вонявин, обследовавший здешние места на предмет выявления "следов цветных металлов", а многие другие странники, путешественники, военные разведчики и коммерсанты не скупилась на добрые слова при описании этих природно богатых и разнообразно примечательных мест. Не случайно, академик из Петербурга И. Гюльденштедт, бывая тут в 70-е годы XVIII века, вынашивал идею переселения сюда немецких колонистов, которым, как он был уверен, "вельми приглянулось бы" здесь. Однако и без трудолюбивых немецких "бауэров" брагунская земля не скупилась на дары, щедро одаривая труд своих сынов.

Принимала она на свои уголья и выходцев из других районов нашего края, всего Кавказа. Источники XVIII в. фиксируют наличие в составе населения "Брагунской деревни" - армян, лезгин, евреев, грузин, черкесов, русских. Постоянно крепили связи с близкородственными по языку и историческим судьбам кумыками. Неподалеку, у подножия Брагунского хребта, прямо близ "горячих ключей" стало формироваться и поселение выходцев из чеченских гор. Обычное для Северного Кавказа "совместничество" трудовых масс разных народов было реальностью, вопреки "проповедям" противостояния и конфронтации, которые неслись с разных сторон.

Ученые труды, записки краеведов и путешественников оставили немало свидетельств об истории, культуре и быте брагунцев XIX - XX века. И все же приходится признать, что прошлое этой своеобразной группы населения берегов Среднего Терека в должной мере не изучено еще, а случается, что в иных современных сочинениях им как бы даже и отказывается в праве на собственную историю. Это досадно и несправедливо!

Тот, кому приходилось бывать в селении Брагуны, наверняка общался с его гостеприимными, любознательными людьми. Не могли не запомниться встречи и долгие беседы с почтенным старожилом Арсладином Курманалиевичем Кочкаевым, с пытливым краеведом, директором местной школы Абазом Гусейновичем Мамаевым. Каждый из них - истинный кладезь народных знаний, согретый любовью к своему небольшому, но столь оригинальному "народу".

Литература:

- Виноградов В., Магомадова Т. "Слывят они брагунцами..." // Комсомольское племя. 1989. 25 марта.
Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Т. 1. Ленинград. 1968.

ГРУЗИНЫ

Ной Буачидзе, Александр Гегечкори, Серго Орджоникидзе... Это имена славных предшественников грузинского народа, внесших большой вклад в победу и упрочение Советской власти на Тереке. Но мало кто знает, в какую глубокую даль времен уходят взаимоотношения населения Грузии с народами Северного Кавказа...

Об их результативности свидетельствуют уже могильники эпохи бронзы (II тысячелетие до нашей эры), в которых археологи находят предметы закавказского облика. Грузино-вайнахские связи заметно активизировались в период средневековья. Тхаба-Ерда, Алби-Ерда, Тагимский, Паметский - вот лишь часть христианских храмов, сооруженных грузинскими миссионерами в горной Ингушетии в XI - XII веках. Судя по все умножающимся памятникам письменности средневековья, среди вайнахов в XII - XIV веках широкое распространение получила грузинская письменность. Исследователями отмечены и вполне результативные попытки ее использования для передачи звуков вайнахских языков.

Дальнейшее развитие грузино-вайнахские политические, военные, торгово-экономические, религиозно-культурные и иные связи получают в XVII и особенно в XVIII веке. Они вступают в новое качество, базируются на общем процессе постепенного вхождения под покровительство России.

Важную роль в этом процессе сыграли и поселения грузин-колонистов. Они появляются в Предкавказье после Персидского похода Петра I, в 1722 году. По документам первой половины XVIII века грузинские переселенцы известны в станицах Червленной, Старогладковской, Новогладковской, Брагунах, Сарафанниково (Шелкозаводской). В последней только в 1792 году отмечено из числа мужчин 153 грузина. Естественно, что с семьями их было гораздо больше.

По документам 30-х годов XVIII века, выявленным грузинским исследователем В. Н. Гамрекели, в станице Новогладковской (ныне Гребенская) проживали среди многих прочих "грузин Георгий", "грузин Абдула", "грузинские толмачи" (переводчики) Дмитрий Николаев и Потап Мамукин. В донесении князя Н. Егорова отмечено, что "в гребенском казачьем Новоглатковском городке грузины живут многие дворами" (т. е. семьями).

Колонизация грузинами Притеречья была обусловлена двумя основными причинами и обеспечивалась двумя поселенческими потоками. С одной стороны Россия была заинтересована в "усиливании" Кизлярского края (не были забыты и интересы "размножения шелка и мануфактур" и "безверных народов к христианству приведения"). А с другой стороны, Грузия переживала в этот период постоянные нашествия шахского Ирана, султанской Турции, "лезгин", вконец разорявшие страну. Лишь весьма небольшую часть

грузинских поселенцев на Северном Кавказе формировали возвратившиеся на Кавказ выходцы из прежних грузинских колоний (Москвы, Петербурга, Астрахани, Украины). Основную же массу составляли переселенцы непосредственно из Грузии, или беглецы из горского плена.

Так, только за август-ноябрь 1738 года к русским заставам у Червленной и Новогладковской пришли из плена 20 грузин. С 21 по 29 января 1755 года в Червленную бежали из плена в Кабарде, Чечне, Осетии четверо грузин. С 1763 по 1768 год в Кизляр прибыли 174 грузина - выходцы из плена в Малых Ногаях, Андрей-ауле (Эндери), Чечне, Малой Кабарде.

Интересные свидетельства очевидца 20-х годов XVIII века отражены в автобиографической поэме "Бедствие Грузии" замечательного грузинского поэта Давида Гурамишвили. Взятый в плен "леками" ("лезгинами" - дагестанцами) во время их набега на Ксанское ущелье, он был уведен в горный Дагестан, в аул Унцукуль. Бежав оттуда, Гурамишвили долго и мучительно скитался в горах, затем с большими усилиями пробрался на Терек, где и переправился в гребенскую казачью станицу, в которой немедленно нашлись люди (в частности, "толмач" Января-пшав), говорящие по-грузински.

На двенадцатые сутки
Вышел я к большой реке
И, как зяблик, с перепугу
Затаился в тростнике
Хлеб крестьяне за рекою
Молотили вдалеке.
Не найду ли я спасенья
В этом мирном уголке?..

Истовый христианин Давид Гурамишвили описывает свое избавление от ужасов плена так:

О, как сердце задрожало,
Услыхав церковный звон!
Я вскочил и оглянулся,
И отпрянул, поражен:
Люди истово крестились
Возле церкви у окон.
Вот оно, мое спасенье!
Кончен вражеский полон!

Все это свидетельствует, что в истории грузино-северокавказских взаимоотношений вошло не только доброе сотрудничество, но и военные столкновения, вооруженная борьба, взаимные набеги. Последние, однако, не смогли перечеркнуть тот позитивный потенциал добрососедства и взаимопомощи, который накапливался и существовал веками.

Достаточно обратиться к историко-героическим песням вайнахов ("Илли"). В целом ряде из них воспеваются непростые ситуации XVIII века, в которых на берегах Терека и в Чечне плечом к плечу действуют чеченский, русский, грузинский, татарский и другие "молодцы", рискуя жизнью друг за друга. Одновременно в других преданиях (в том числе поэтических) воссоздаются малопривлекательные образы корыстолюбивых, жадных до захваченной силой добычи грузинских князей.

Почти на протяжении столетия грузины и "грузинские армяне" (то есть армяне - выходцы из Грузии, в том числе города Тифлиса) активно заселяли Северный Кавказ, так как эта территория была близка к Грузии, здесь был богатый фонд свободных земель, сравнительно мирная обстановка, проживали дружественные, а порой и единовременные грузинам народы. Поселенцы поддерживали постоянные контакты с Восточной Грузией. Они осуществлялись через горные Ингушетию, Осетию, по Военно-Грузинской дороге.

Кстати, вдоль последней, в верховьях Терека также прослеживается теснейшее переплетение исторических судеб грузин и вайнахов. Достаточно привести единственный пример, как выходцы из горной Ингушетии, потомки легендарного народного героя Чопы, поселившись в районе Гвилети, стали с годами носить фамилию Чопикашвили, а затем и Казибегшвили. Они и их постепенно грузинизировавшиеся вайнахские сородичи сыграли огромную положительную роль в дальнейшем укреплении грузино-северокавказских связей.

Когда в первой половине XVIII века из Грузии в Россию на постоянное местожительство был вынужден уехать грузинский царь Вахтанг VI, то при выборе маршрута, он опирался на научные представления своей страны, выразившиеся, в частности, в трудах выдающегося географа и историка царевича Вахушти Багратиони. Он составил подробные карту и описание тех районов нашего края, что примыкали к Грузии.

Стремление к переселению на Терек было особенно заметно среди грузинских торговых людей, так как здесь торговля имела более благоприятные условия и явные перспективы роста по сравнению с многострадальной Грузией. Грузинские поселенцы в казачьих станицах и горских аулах торговали пшеничной мукой, пшеном, маслом, вином, фруктами, грецкими орехами, предметами хозяйственного обихода, галантереей. Постоянно множится коллекция грузинских, а со времени присоединения Грузии к России (1801 год) и русско-грузинских монет, найденных в окрестностях ряда казачьих станиц.

Помимо торговли грузины занимались хлебопашеством, огородничеством, различными ремеслами (были ювелиры, медники, слесари, кожевен-

ники и пр.), выращивали фруктовые шелковичные сады, виноградники, разводили крупный рогатый скот и лошадей. Некоторые занимались извозом или сдавали внаем свои транспортные средства.

Тем самым грузины Притеречья вносили существенный вклад в развитие наиболее товарных отраслей сельского хозяйства, играли большую роль в расширении местной "промышленности" и торговли. Они содействовали формированию общего северокавказского рынка, укреплению торгово-экономических связей Северного Кавказа с Россией и Грузией.

Переселенцы вступали в непосредственные связи с народами Северного Кавказа, содействовали дальнейшей колонизации Притеречья ингушами и осетинами. В частности, с основанием крепости и города Моздока в 1763 году грузины составили в нем самую большую этническую группу. С ними вместе, помимо русских и армян, проживали представители кабардинского, осетинского, ингушского, карабулакского народов. Вскоре для них в Моздоке была открыта школа, преподавание в которой осуществляли грузинские миссионеры.

В городах и станицах Притеречья повсеместно употреблялся грузинский язык. Среди самих грузин были весьма образованные люди, имевшие грузинские печатные и рукописные книги, владевшие целыми библиотеками. В 90-х годах XVIII века в Моздок была открыта грузинская типография, обслуживавшая в том числе и население казачьих станиц в нашем крае. Здесь же по заказу Петербургской Академии Наук был осуществлен перевод на русский язык грузинских историко-географических хроник XVIII века. Эта работа была проведена в 1777 году. В числе переводчиков был и Варфоломей Саварсамидзе, переехавший на жительство в Моздок из Сарфанниково (Шелкозаводской).

В этот период широкое распространение, как в Притеречье, так и в горных районах получает грузинская письменность. Сохранился целый ряд документов XVIII века из переписки грузинских царей и Российских властей с ингушскими старшинами. Все они написаны на грузинском языке. По-грузински была оформлена и присяга ингушей о "не по принуждению, но самопроизвольно" принятии подданства России в 1770 году.

Во многом, благодаря наличию большого контингента грузин в Притеречье (2,5 - 3 тысячи человек), местную общественную жизнь постоянно оживляли многочисленные посольства, дипломатические курьеры, представители духовенства, торговцы, проезжавшие из Грузии в Россию и обратно.

Поэтому правы те специалисты, которые отмечают, что грузинские поселения способствовали общему прогрессивному развитию Притеречья и горцев Центрального Кавказа.

После присоединения Грузии к России численность грузин в Предкавказье снижается. Стабилизация политического положения в Закавказье побуждает многих вернуться на родину. Усиливается отток и в центральные районы России. Например, нашим, фактически, земляком (он уроженец города Кизляра) является прославленный российский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал Багратион, в юности, кстати сказать, побывавший в плену у немирных чеченцев. Он был в числе тех притерских грузин, которые отправились искать свою судьбу на севере от родных мест.

Наконец, еще одна часть грузинских колонистов, будучи записанной в пореформенное время в казачье сословие, фигурирует в документах как казаки. И до сих пор в той же станице Шелковской - ныне районном центре - вам с удовольствием покажут "грузинскую часть" старой станицы и расскажут много интересного и поучительного о ее стародавних обитателях.

Литература:

Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала. 1986.

Великая Н. Н. Грузины в низовьях Терека // К истории низовьев Терека XIII - XIX вв. Кизляр. 1991.

Виноградов В. "Слово "хлеб" я знал по-русски..." (Давид Гурамишвили среди грбенских казаков) // Строитель коммунизма. 1988. 18 марта.

Виноградов В., Великая Н. Притерские грузины // Комсомольское племя. 1989. 17 июня.

Гамрекелли В. Н. К истории грузинских поселений в российских пределах Северного Кавказа в XVIII в. // Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси. 1968.

ЕВРЕИ

Горские евреи являлись давнишними обитателями Северного Кавказа. Вайнахи звали их "жуьгтий" и до сих пор сохранились предания об обитании их в ряде мест Чечни и Ингушетии, в том числе в долине Гумса, Аргунском ущелье, с. Цори, где они проживали в среде горцев. Эти "жуьгти" занимались главным образом торговлей и поставками на равнину шкур и кож для скорняцкого промысла. Длительное соседство питало обычай гостеприимства, взаимопомощь и выручку. В забытом ныне романе В. Савинова "Шейх Мансур" (1852), опираясь на народные предания, рисуется, как горские евреи вместе с чеченцами дают отпор вооруженным отрядам исламских воителей в Чанты-Аргунском ущелье. И это не случайно, ведь по исповеданию горские евреи являлись иудаистами.

В энциклопедии "Народы России" поясняется, что община горских евреев формировалась в VII - XIII вв. в ходе иммиграции евреев из Северного Ирана, а также, возможно, из близлежащих районов Византийской империи в Азербайджан, где они перешли на язык окружающего населения - татский

(иранская группа индоевропейской семьи). К слову, заметим, что евреи, оказавшиеся в Европе со временем перешли на идиш (один из диалектов немецкого языка). Их, в отличие от горских евреев именуют европейскими или евреями-ашкезназами.

Но вернемся к горским евреям. Из Азербайджана они переселились далее в Дагестан, и, по-видимому, в Чечню. Уже в середине XIII века фламандский путешественник Г. Рубрук отмечал наличие большого числа евреев на Восточном Кавказе. У горских евреев соблюдались иудаистские обычаи (обрезание, свадьба, похороны), потребление ритуальной пищи, праздники и др. Они сохранили многие древнееврейские слова (приветствия, имена и пр.), древнееврейские тексты распевались на свадьбах. И в то же время горские евреи заимствовали ряд слов из языков местных соседних народов. Лишь горские равнины могли изъясняться по древнееврейски.

Первые сведения письменных источников о евреях в Притеречье появляются с конца XVIII века. И уже А. С. Грибоедов, А. П. Ермолов, первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев и многие другие оставили достоверные упоминания о той роли, которую играли они в базарной и лавочной торговле таких крупных населенных пунктов, как кумыкский аул Эндери, чеченские селения Чечен-Аул, Старый Юрт, крепости Моздок и Владикавказ. Помимо торговли, горские евреи в тот период выделяли сафьян, занимались мареноводством, виноделием, табаководством.

В 1820-х гг. у стен крепости Грозной появилась слободка горских евреев, что по единодушному мнению современников означало, что у "военной крепости имеются определенные мирные перспективы". Они становились особенно наглядны в дни праздничной суеты многоязыких ярмарок, когда, по словам Александра Полежаева:

Мирной чеченец, кабардинец,
Кумык, лезгин, койсубулинец,
И персиянин и еврей,
Забыв вражду своих обрядов,
Пестрели здесь...

Горские евреи, десятками семей компактно поселившиеся рядом с грозненским форштадтом, были прекрасными кузнецами и славились выделыванием козьих и иных шкур. Занятость многих из них в торговле (особенно мануфактурной) содействовала сложению крепостного центра, в котором, по словам автора середины XIX века, рядом с "довольно красивыми зданиями (церковь, госпиталь, дом начальника Левого фланга Кавказской линии)" образовался "род небольшого гостинного двора, где торгуют преимущественно армяне и евреи. Лавки этих последних занимают сверх того боль-

шой квартал", напоминающий "подобного рода кварталы европейских городов".

В официальном документе той поры сообщалось, что "евреи поселены в Грозной на общих основаниях для туземных жителей. Они выходили из гор и поселялись, где находили удобным для себя жительство и теперь пользуются правами наравне с прочими обывателями крепости".

Сам же вид постепенно растущей еврейской слободы был достаточно экзотичен: глинобитные сакли с плоскими крышами и маленькими оконцами стояли скученно, на горский манер. В крохотных двориках содержался скот. Состояние и достаток различных семейств был разным.

В 20 - 30-е гг. XIX века отмечены первые контакты горских евреев с российскими евреями-ашкеназами, упрочившиеся с 60-х гг. С одной стороны, это связано с тем, что благодаря преобразования Александра II вне западной черты оседлости разрешалось жить купцам I гильдии, обладателям ученых званий, некоторым категориям ремесленников, и многие из них поселяются в городах Кавказа. С другой стороны, религиозное обучение, которое осуществляли раввины было явно недостаточным и молодежь отправляли на обучение к "русским евреям". Как отмечал дореволюционный автор, обучавшиеся в России горские евреи встречались с почестями, девушки были рады иметь таких женихов.

К началу 1860-х гг. военная крепость Грозная изжила себя. У стен ее не было больше места для расширяющейся еврейской слободы. Случился и страшный пожар, полностью уничтоживший ее. Евреи не захотели оставаться на прежнем месте и генерал Евдокимов отвел им земли на противоположном берегу Сунжи, где и возродилась их слобода в районе современной улицы Московской (она называлась так по имени расположенного тут одного из армейских полков).

По сведениям "Грозненского слободского управления", в октябре 1866 года здесь обитало 177 семей, а всего душ обоего пола - 650. Сообщалось, что "судопроизводству подлежат гражданскому, отношение их к остальному населению Грозной наравне с прочими обывателями".

Именно к той поре относится довольно яркое проявление научно-общественного интереса к горским евреям Терской области и его окружного города (с 1870 г.) Грозного. В газетах "Кавказ", "Терские ведомости" появляются о них содержательные историко-этнографические очерки. В солидном кавказоведческом издании "Сборник сведений о кавказских горцах" (выпуск 3, Тифлис, 1870 г.) опубликована простанная статья Иуды Черного, из которой можно узнать, что население грозненской еврейской слободы достигло "200 дымов" (домохозяйств), из которых грамотны всего 5 или 6 семейств; что здесь имелись две довольно примитивные синагоги, при которых равви-

ны устроили "училища" на 15 человек, описанные автором очень критично. И. Черный отмечал появление в слободе на фоне привычных саклей "порядочных европейских домов, но они принадлежат, разумеется, богатым, которые ездят ежегодно на Нижегородскую ярмарку". Из числа таких богатеев выходили первые российскообразованные люди, военные. Примечательно, что в составе "Чеченского полка", сформированного для участия на фронтах русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. наряду с чеченцами, русскими, ингушами, осетинами служили и грозненские горские евреи Шамиль Урусханов и Урусхан Шамаев (вероятно, отец и сын).

Бурный рост населения Грозного в 70 - 90-е гг. XIX века был тесно связан с развитием нефтяной промышленности. Газета "Терские ведомости" за 1896 год называла в составе уже многонационального отряда рабочих на нефтепромыслах Грозного русских, чеченцев, татар, ингушей, кабардинцев, армян, персов и евреев (как горских, так и европейских).

В городской жизни конца XIX - начала XX в. евреи (составляли не более 2 - 3% от 45-тысячного населения) были весьма заметны среди искусных ремесленников, бойких людей "свободных профессий", сферы торговли и обслуживания. Среди евреев были и предприниматели разных рангов - от владельцев сравнительно небольших мастерских с использованием наемного труда (И. Частник, А. Гуйвик, Л. Давидович, с. Грушман и др.) до крупных капиталистов типа Арона Вишневецкого с сыновьями, фирма которых торговала нефтью, лесом, имела пивоваренные и другие заводы, или Льва Клейзингера - богатого подрядчика, члена Совета "Общества взаимного кредита".

Попыткой примирения на религиозной почве становится сооружение "на деньги прихожан всех слов" и помпезное открытие двух "соборных синагог" (1900 г.). Однако в стачках и акциях неповиновения против "своих" и чужих хозяев, которые доводили рабочий день до 17 часов в сутки, эксплуатировали детский труд, активно участвовал и еврейский рабочий люд.

Уже в 1904 - 1905 г. в большевистской организации Грозного был весьма влиятелен А. К. Фельдман (в прошлом член "Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса"). Активистом грозненской организации РСДРП был гравер И. Горбштейн (партийная кличка - Алексей).

Накаляла обстановку и усиливавшаяся конкуренция между "отцами города" и новой торгово-промышленной верхушкой. Последняя, пользуясь услугами "желтой прессы" (чего стоят периодические кампании на страницах кавказских газет по обвинению евреев в "убиении" христианских детей!) нагнетала антисемитские настроения. После революционных потрясений 1905 - 1907 гг. грозненские черносотенцы не раз пытались организовать еврейские погромы. Но население, общественность Грозного воспрепятст-

вовала этим планам. Лозунги большевиков о равенстве и братстве народов были встречены с пониманием и одобрением большей частью горских и европейских евреев...

Литература:

- Виноградов В., Абдулвахабов Б. "Так мало еще известные..." // Комсомольское племя. 1989. 22 июня.
Кирей Н. Евреи на путях истории // Кубань. 1988. № 10.
Колосов Л. Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии 1893 - 1917 годы. Грозный. 1965.
Колосов Л. Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября. 1907 - 1917. Грозный. 1968.
Черный Иуда. Горские евреи // Сборник о кавказских горах. Вып. 3. Тифлис. 1870.

КАБАРДИНЦЫ

В XIV веке часть адыгских племен Северо-Западного Кавказа в силу внутреннего развития и внешних воздействий продвинулась на восток. Однако вплоть до окончания столетия расселение это происходило слабо. Массовое перемещение адыгов в Центральное Предкавказье, до рек Терека, Сунжи и Фортанги случилось после знаменитых походов Тимура 1395 - 1396 годов, бесповоротно подорвавших могущество Золотой Орды и сильно разоривших равнинные области Северного Кавказа.

Переселившись на восток адыгов стали называть кабардинцами. Предполагается, что в этнониме "къэбэрдэ" отразился исторический смысл - это то, что принадлежит Кабардю (легендарному предводителю, имя которого, означающее "истинный господин", упоминал еще И. Барбаро в XV в.).

С обособлением от основной части адыгского этноса стала складываться кабардинская народность, формированию которой постоянно и сильно мешала феодальная раздробленность, княжеские междоусобицы. И в связи с распадом в конце XVI века Кабарды на Большую (от реки Малки до Уруха) и Малую (от Уруха до Среднего Терека и по правому берегу Терека, охватывая западные районы равнинной Чечено-Ингушетии) происходили частые "общекабардинские" и "внутрикабардинские" передвижения населения, затрагивающие большие пространства, хотя и не все эти территории были местом постоянного их обитания. Подвижность кабардинцев, полукочевнический тип их культуры были связаны не только с характером их хозяйства и внутрисполитическими событиями, но и с постоянной опасностью крымско-турецкой агрессии. Известно, например, что в конце XVI - начале XVII столетия кабардинцы целого ряда селений ("кабаков") Малой Кабарды трижды меняли свое местожительство. Во всех этих нелегких и длительных стран-

ствиях кабардинцы вступали в тесные контакты с окрестным населением и оставили яркие следы о своем пребывании тут и там.

"...Раньше, когда еще наши деды жили в горах, эта равнина была в руках черкесских (кабардинских) князей". Таков рефрен многих записанных в разное время (и сегодня еще бытующих) произведений исторического этнографами-фольклористами У. Б. Далгат и И. А. Дахкильговым. Территориально они больше всего связаны с плоскостной Ингушетией.

Это не означает, однако, что нет эпических сюжетов, имеющих иную локализацию, в частности, связанную с Чечней, чеченцами. Достаточно, например, вспомнить такие популярные чеченские героико-эпические песни, как "Илли о князе Мусосте и о Сурхо, сыне Ады, живших у берегов Терека", "Илли о кабардинце Курсолте", "Илли о князе Кахарме кабардинском" и другие.

Все они содержат ценнейшую историческую информацию, потенциал которой далеко еще не понят, а тем более не исчерпан. Взять хотя бы последнюю из только что названных "илли". Она, датируясь по всем приметам серединой XVII века, не только проливает свет на некоторые реальные стороны чеченско-кабардинских отношений в округе Аргунского ущелья, но и повествует о посещении одним из горских героев (шатоэвцем Астемиром) столицы Руси - города Москвы.

В преданиях предельно точно называются места обитания кабардинцев, традиционно именуемых у вайнахов "чергси" (черкесы). Это - "окрестности Назрана, на правом берегу Сунжи"; там, "где находится село Яндырка"; "где ныне расположено село Насыр-Корт"; "недалеко от сел Долаково и Кантышево"; "близ села Экажево" и т. д. Терский хребет именуется у вайнахов "Черкесским" - "Чергазийн раг".

"Среди черкесов было много князей..." - сообщается в преданиях, - "Они ставили свои шатры на холмах, имея вокруг укрепления. Им прислуживало много пленников, захваченных и увезенных ими из разных племен... Князья не только отбирали друг у друга добычу, но, по их приказанию, собирались отряды, которые возглавляли сыновья князей и их сподвижники. В те далекие времена они чинили разбой, производя опустошения повсюду. Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападения, лучшие мужчины ставили у подножия гор свои посты..." Князья "черкесов" "не давали горным людям выйти из гор, пахать землю..."

Наиболее популярна в фольклоре ингушей фамилия "черкесских князей Ахловых" - реально существовавшая и важная в исторической обстановке Малой Кабарды. Но кроме того во многих преданиях фигурируют князья Шолох, Алкас, Ачамза, Германч, Козач и другие. С их именами свя-

заны названия местностей (Шолох-Юрт, Алхасте и пр.), а также некоторых возвышенностей - Ачамза-Барц, Германча-Барц, Казаш-Барц, где "Барц" - по-ингушски, искусственно насыпанный холм, курган, на котором-де и жил тот или иной "черкесский" князь. Их партнерами и соперниками являются горские, вайнахские герои Нясар, Лоаман-Ха, Орстох и другие, которым местный фольклор отдает явное предпочтение при описании их борьбы с пришлыми "черкесами". Однако, одерживая конечную победу в личном поединке с хищными князьями, горские богатыри, как правило, не встречают активного противодействия их войска, которое тут же прекращает бой, как только гибнут его предводители. Едва ли такой исход только следствие "рыцарских" правил единоборства. Он отчасти отражает определенную пассивность по отношению к планам своих феодалов со стороны рядовых общинников, вовлеченных в затяжную вражду с соседями-горцами.

В некоторых преданиях акценты заметно смещаются. Так, "внук князя Козаша" оказывается сыном "уроженки гор", то есть он - дитя смешанного кабардино-вайнахского брака. Рожденный в то время, когда его мать "гостила у своих родителей в горах", он тем самым единственным спасся "из всего рода Козаша", перебитого дружиной воинственного соседа - князя Германча. К мести он подготовлен сородичами матери, выростившими его, а поддержку получает от другого дружественного ингушам "черкесского князя". В предании об ингушском герое Мехка Астби - владельце первого в местных горах ружья - красной нитью проходит мотив его тесной дружбы с "черкесами", обитавшими на равнине. Все это служит доводом в пользу разнообразных, в том числе мирных, нередко даже дружественных взаимоотношений между кабардинцами и вайнахами и в этом районе.

Такова самая общая канва событий и обстоятельств, извлекаемая из содержания фольклорных сюжетов, по поводу которой У. Б. Далгат верно отметила, что здесь "заключена историческая правда", отразившая отношения между "могущественной феодально-княжеской верхушкой кабардинцев" и горцами-ингушами, "примерно имевшие место 500 -- 300 лет тому назад". Причем этот тезис можно ныне серьезно развить. В плоскостном верховье Сунжи, у подошвы предгорий в последнее время существенно возросло количество и информативность археологических памятников, которые можно уверенно связывать с кабардинцами. Это прежде всего высокие сферические дозорные насыпи на площади раннесредневековых городищ и поселений. Таковые зафиксированы в районе Яндырки, Экажево, Ачалуков и в других местах.

Наличие подобных сооружений хорошо объясняется европейским путешественником конца XV века Интериано, который, побывав среди адыгов, отметил, что на обширной территории их кочевий князья demonstra-

тивно пренебрегали возможностью прочно обосноваться в черте старых, запустевших крепостей, но не мешали собственным подданным использовать их для нужд пастушеского быта. Отмеченные дозорные насыпи, увенчавшие старинные укрепления или сооруженные на господствующих высотах, и есть результат труда кабардинцев, использовавших их в военно-хозяйственных целях (пастухи-воины следили с них за перемещением конских табунов и стад скота, несли сторожевую службу, сигналили друзьям и союзникам, оповещали об опасности).

В непосредственной близости от "обзорных" холмов и скотоводческих стоянок, вокруг них, выявлено свыше 20 крупных курганных могильников, именуемых у старожилов либо "Чергси кешнан" (Черкесские могилы), либо "Чергси Барзаш" (Черкесские курганы). Часть из них в разное время была раскопана. Полнее всего были изучены в конце 50-х годов нашего столетия Бамутские кабардинские курганы, характерные и выразительные материалы, которых специально опубликованы Е. И. Крупновым и Р. М. Мунчаевым. Яркие особенности погребального инвентаря и обряда "Черкесских могил" согласуются с так называемой второй стадией кочевания (по С. А. Плетневой), отличительные черты которой, применительно к кабардинцам на территории Сунженского побережья, фиксируются наличным фольклорным материалом.

Ценный материальный источник - кабардинское крестообразное каменное надгробие 1581 года у села Кантышево, поставленное над могилой кабардинского феодала Болат-Тимура (в христианстве Георгия) и снабженное изобразительными сюжетами и надписями, дополняющими эпические свидетельства о пребывании кабардинцев в этой равнинной зоне, а также (если справедливы прочтения Г. Ф. Турчанинова) расширяющими зону их политико-культурных контактов вплоть до места слияния Сунжи и Терека.

Исторические документы XVIII века (русские, грузинские, восточные, западноевропейские) также содержат немало конкретных сведений, проливающих свет на проблему обитания кабардинцев по Среднему Тереку. Причем именно в ту эпоху представители некоторых княжеских семей оказались приглашенными встать во главе организующихся чеченских обществ равнинной зоны. Особенно влиятельны были князья Бековичи-Черкасские, чья родовая резиденция сложилась в округе Малгобека. Близкий родич знаменитого сподвижника Петра I князя Александра Бековича Черкасского - Эльмурза Черкасский был видным деятелем российской военной службы в чине генерал-майора. Его сын - Девлет-Гирей Черкасский был призван владельцем сперва во вновь образованное чеченское селение Старый Юрт (Девлеткире), а затем, как обосновывает Я. З. Ахмадов, в "крупное чеченское общество Герменчик". Эти "приглашенные" иноплеменные князья пы-

тались укрепить свою власть над чеченцами, опираясь на силу и влияние царских властей, не раз прибегая к их военной помощи. Все это приводило к обострению различных форм классовой борьбы - от глухого протеста до вооруженных выступлений, отразившихся в фольклоре и в письменных источниках. В конце концов кабардинские (как и дагестанские) княжеские династии были либо изгнаны из обществ равнинной Чечни, либо смирились с потерей своей влияния.

Этот процесс совпал по времени с отступлением кабардинских сезонных стоянок из зоны равнинной Ингушетии. Путешественники конца XVIII века (И. Гюльденштедт, Л. Штедер) отметили, что в их пору многие участки Сунженского побережья в верховьях реки пустовали, так как кабардинцы были оттеснены в результате упорной борьбы вайнахов за выход из глубин гор на плодородные равнины. На месте прежних кабардинских стоянок, дозоров, курганных могильников появляются иные историко-культурные объекты, оставленные ингушами и карабулаками.

Однако, как показывают исторические исследования, некоторая часть кабардинцев еще долго после того обитала на территории, например, Малгобекского района, где до наших дней сохранились в живом обиходе сугубо адыгские названия мест (Пседах, Сагопши, Кескем и др.). Здесь протекал процесс постепенного смешения между собой фамилий давних соседей и партнеров на тропах истории. И сегодня среди наших земляков есть немало тех, в чьих жилах течет и кабардинская кровь, делая их причастными к непростым страницам нашей общей истории.

Литература:

Виноградов В. Б. Исторический эпос о вайнахо-кабардинских отношениях. События и реалии // Героико-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988.

Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII - начало XX в. М., 1974.

Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М. 1971.

Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV - XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М. 1963.

КАЗАНСКИЕ ТАТАРЫ

В истории случается так, что некая часть народа отрывается вдруг от родных мест и корней и уходит вдаль, где строит жизнь свою, сообразуясь уже с другими законами. Притом, однако, не теряет связующей нити памяти, которая ведет в глубь веков. Так случилось с частью жителей нынешнего Шелковского района Чечни, которая именуется себя "казанскими татарами" или просто - "казанцами".

Даже и в середине XIX века, когда на Кавказе уже довольно четко можно было разделить горцев по складывающимся самобытным признакам народностей, русскоязычные источники нередко продолжали величать их "татарами". Истоки этого надо искать еще в тех столетиях, когда Северный Кавказ входил в сферу владений и влияния Золотой Орды.

Слова "Кавказ" и "татары" мы нередко находим стоящими рядом в произведениях А. Бестужева-Марлинского, М. Лермонтова, Л. Толстого. Но в этой некогда общей массе четко прослеживается особая группа - казанцы, которые, строго говоря, и были тут собственно татарами. Только не золотоордынскими, а совсем другими...

В архивном документе, свидетельствующем об упразднении из-за натянутости внешнеполитических отношений в первой трети XVIII века российской крепости "Святого Креста" на реке Сулак (в северном Дагестане) и переселении ко вновь построенной крепости Кизляр "служилых" людей, упоминаются "казанские татары". Тогда они составили в кизлярской городской черте особый квартал - Казанте-аул.

В начале XIX столетия в нем проживало более 50 семей. На Кавказ они попали из Казани, "как люди весьма охотчие к военному делу". Произошло это в 1722 году во время знаменитого "Персидского похода" Петра I, побывавшего тогда и на территории Среднего Притеречья. Он взял с собой татар-"охотников" (добровольцев) в качестве переводчиков-толмачей. Отсюда и пошло их название у окружающего народа, да и у них самих - "казанцы".

Когда поход Петра I закончился, их поселили сначала в крепости "Святого Креста", а затем, как уже сказано, перевели во вновь образовавшийся город Кизляр. Наряду со служебными обязанностями (участие в походах, в отражении внешней опасности, функции проводников и переводчиков), татары проявили склонность к торговле. Вместе с армянскими, грузинскими, таджикскими и персидскими купцами они осуществляли торговые связи России с Закавказьем и Персией. Подтверждением этого является такой факт, что в XVIII - начале XIX века один из трех рынков города назывался "татарским". Занятие торговлей и выполнение других "служб" государству требовали грамотности. Поэтому в одной из школ Кизляра в конце XVIII в. работал учителем казанский татарин, ученый и путешественник Мухамад Амин. В этой школе обучались и горцы-аманаты "русской и татарской грамоте".

Интересно коснуться здесь некоторых малоизвестных страниц местной истории.

Первая "встреча" гребенских казаков с казанскими татарами произошла еще в середине XVI века. Тогда военный отряд храбрых всадников с берегов Терека, как свидетельствуют некоторые документальные источники

ки, пришел на помощь московскому царю Ивану IV Грозному в пору вооруженного присоединения к Руси Казанского и Астраханского ханств. Важно подчеркнуть, что и в те нелегкие времена среди казанских татар - прямых потомков населения Волжской Болгарии - были немалые группы пророссийской ориентации, и вполне возможно, что известная общность интересов у гребенцов и казанцев стали определяться с тех давних времен.

А в числе письменных документов 80-х годов XVIII века, донесших до нас картину широкого принятия российского покровительства равнинными чеченцами, есть письма кизлярскому коменданту от "казанского татарина" Исака Зейтова, жившего "среди чеченцев". Он пишет о себе, что "определен был у находящегося на Амырхановом броду деревень" (местность в округе современного селения Алхан-Юрт) в качестве российского "пристава" - наблюдателя с целью "приласкания переселившихся туда чеченцев". Исак Зейтов рассказывает: "...полтора года я безотлучно при них нахожусь и в тех местах построены деревни, которые вступили в подданство, а всего они насчитывают до трех сот дворов...". Речь идет здесь прежде всего о чеченцах Алдынского и Гехинского обществ.

Демонстрируя хорошую ориентированность в местных условиях и личное участие в тамошних делах, он утверждает: "Гребенчуковцы (крупное чеченское общество Герменчуг, - авт.) также желают вступить в подданство, о чем перед сим было писано, на которое ожидают Вашего благоволения".

Естественно, что Исак Зейтов был не единственным казанским татаринном, сыгравшим заметную роль в становлении и укреплении русско-северокавказских связей. И, забегая вперед, напомним, что юный Лев Толстой, поступив в Казанский университет, брал весьма успешно уроки "по турецко-татарским языкам", изучал арабскую графику и турецко-татарскую филологию. Возможно, что предполагая будущую встречу с Кавказом, он рассчитывал увидеть там и древних переселенцев-казанцев, занимавших свое оригинальное место в панораме местных тюркоязычных народов...

В первой половине XIX века в связи с потерей Кизляром свойств и значения "русской столицы на Северном Кавказе", а также упразднением военных и казачьих поселений в черте города, казанские татары покинули город. Перипетии вспыхнувших в крае военных действий забросили было мусульман-казанцев в "единоверный лагерь" имама Шамиля. Но разочаровавшись в делах и планах имамата, они вновь вернулись на берега Терека.

В вышедшем в 1915 году "Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа" весьма осведомленный краевед Ф. С. Гребенец (Панкратов) писал: "...казанские татары вышли сюда из гор, куда они бежали из рядов русских войск к Шамилю, долго там жили, где поженились, приняв облик чеченцев, но впоследствии снова передались русскому прави-

тельству и были причислены к числу казаков станиц Новогладковской и Щедринской".

Популярность "казанцев" в те годы подтверждается и таким примером. Среди различных версий биографии алдынского чеченца Юсуфа Сафаровых - одного из видных деятелей имамата Шамиля, перешедшего в конце концов на сторону России - есть свидетельство весьма осведомленного генерала Нейдгарта (он служил командующим Отдельным Кавказским корпусом) о том, что "Юсуф-Хаджи родом татарин, отец его долго торговал в Кизляре. Потом жил в станице Парабоческой (Шелковского района, - авт.), после чего оставил Россию". Очевидно, многочисленные таланты и способности незаурядного чеченского деятеля казались части современников подстать общепризнанным достоинствам казанских татар, живущих в Притеречье.

Длительное пребывание на Кавказе сказалось на быте и языке "казанцев". Тот же автор, непосредственно наблюдая их, отмечал, что они "по своему домашнему укладу и обстановке ничем не отличаются от соседей кумыков...". Они и разговаривать стали на кумыкском языке, прекрасно понимая язык соседей-ногайцев. В те времена, кстати, и очень многие русские, казаки знали местные языки.

"Казанцы" были дружелюбно встречены старожильческим населением станиц Гребенцы, в крови которых с незапамятных времен перемешалась кровь многих кавказских народов, высоко ценили обычай куначества...

В памяти прожившего более девяноста лет Али Умаровича Аксарова сохранились рассказы деда о длительной войне в горах, о переселении в казачьи станицы, рассказы отца о пролитой за чуждые интересы крови на полях Манчжурии в русско-японской войне и в "Туретчине" во время Первой мировой. И когда фашизм, пытаясь покорить советский народ, делал ставку на разобщение народов СССР - в единый строй сынов многонациональной Чечено-Ингушетии встали и наши земляки-казанцы: М. А. Юзикеев, Р. А. Гайсин, И. Б. Амерханов, М. Бектемиров, А. Нагуманов и другие.

Отдельные рассказы можно посвятить удивительной судьбе Халида Алибекова, бежавшего из фашистского плена во Францию, где он стал участником Сопротивления в одном из отрядов "маки". Французские друзья предлагали после Победы жить во Франции. Но мысли о Родине, о быстром Тереке были сильнее. Саид Шамшудинов боролся с врагами на земле Югославии. Ему было присвоено звание капитана народно-освободительной армии югославских народов...

Не забывается история казанцев. Много устных сказаний, преданий, легенд о своих предках собрал и записал директор Воскресенской восьмилетней школы Бектемиров Магомед Мусаевич.

Более тысячи человек казанцев, живущих ныне в станице Гребенской - это одна из небольших этнических групп, составлявших население бывшей Чечено-Ингушской АССР.

Литература:

Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980.
Еремин Н., Рахимкулова Ф. "Казанцы" // Комсомольское племя. 1989, 25 февраля.

КУМЫКИ

Кумыки - один из крупнейших народов Дагестана. Соседняя Чечне-Сулакская низменность, иначе называемая Кумыкская плоскость, заселена кумыками сравнительно недавно, но взаимосвязи их с вайнахами и другими народами Северо-Восточного Кавказа уходят в глубь веков.

Кумыки тюркоязычны, поэтому выдвигались различные версии об их происхождении. Некоторые исследователи рассматривали кумыков как пришлый народ. Большинство же придерживается мнения об автохтонности процесса формирования кумыков и считает их коренным народом Дагестана. Известный востоковед В. Б. Бартольд считал кумыков "отюреченными лезгинами", подразумевая под "лезгинами" горных дагестанцев. С этих позиций, очевидно, и следует рассматривать вопрос происхождения кумыкского народа. В самом деле, антропологическая характеристика, материальная культура, особенности языка говорят в пользу местного происхождения кумыков.

Наблюдения лингвистов показывают, что в языке кумыков содержится много лексического материала, сопоставимого с даргинским; даже в словарном фонде кумыкского языка множество даргинских слов коренного значения, а не просто заимствованных. На территории, ныне заселенной кумыками, сохранилось много топонимов даргинского происхождения. С. Ш. Гаджиева справедливо указывает на связи кумыкского и даргинского языков, которые по своему характеру восходят к раннему периоду их развития. Другими словами, есть все основания предполагать, что в основе здешнего населения лежит даргинский субстрат, что позволяет относить кумыков к числу аборигенов Дагестана.

Отюречивание части племен общих предков кумыков и даргинцев (а возможно, отчасти и вайнахов) протекало много веков. Уже в эпоху Западнотюркского каганата (VI в. н. э.) в степном и отчасти в предгорном Дагестане начинают оседать тюрки. Это болгарские племена барсиллов, савир, позже - хазар. В эпоху Хазарского каганата в северо-восточном Дагестане, там, где находится ныне основная кумыкская территория, образовалось раннефеодалное княжество Джидан преимущественно с тюркоязычным населе-

нием. Видимо, тогда и начались процессы ассимиляции тюрками местных прадаггинских и других племен. Во второй половине X века усилился напор сперва печенег, а потом прочно укрепились кипчаки-половцы. К концу XI века они надолго освоили степи Предкавказья, в том числе и Северного Дагестана.

Хотя проникновение тюркских этнических элементов на Северо-Восточный Кавказ насчитывало к тому времени уже около полутысячелетия, однако процесс отюречивания тамошнего населения вступил в решающую фазу лишь в половецкую эпоху. Поэтому и язык кумыков относится к кипчакской группе тюркских языков. Отсюда вытекает, что в процессе отюречивания половецкий язык постепенно вытеснил местные языки, а это, в свою очередь, несомненно способствовало консолидации племен и заложило основу для образования кумыкской народности.

Завершение этногенеза кумыков следует приурочить к концу половецкой эпохи - к XIII в. Именно в это время усилилось этно-политическое сплочение племен северо-восточного Дагестана, непосредственных предков кумыкского народа, занимавших предгорные и отчасти плоскостные районы - область древнейшего земледелия, причем, несмотря на бурные события средневековья, земледельческие традиции сохранились и в последующие века.

В период владычества Золотой Орды на Северном Кавказе судьба складывающегося кумыкского народа оказывается тесно и противоречиво связана с соседями. В конце XIV в. на границе Чечни и Дагестана сложилось некое государственное образование Сим-Сим, в котором, как полагают, синтезировались протовайнахские и тюркские элементы. В XV веке в низовьях Терека существовало зависимое от основного кумыкского государственного образования - Тарковского шамхальства - Тюменское княжество. Его владения доходили до территории, населенной кабардинцами, то есть бассейна реки Сунжи. Именно с прекращением существования этого Тюменского княжества в связи с его присоединением в 1594 году к Русскому государству, часть населения уходит на юг, за реку Сулак, заселяя плоскость, названную по имени "Кумыкской".

В конце XVI - XVII веке источники не фиксируют сколько-нибудь явного и глубокого проникновения кумыков на территорию Среднего Притеречья. Однако двусторонние связи налаживаются прочно. Когда в непосредственном соседстве в вайнахскими обществами ококов и мичкизов образовалось сильное Эндерийское кумыкское владение во главе с князем Султан-Магмутом, то часть упомянутых чеченских "колен" оказалась в сфере его влия-

ния. Вся политика Эндерийских князей делается с помощью ококов и мичкизов, как надежной силы, на которую можно опираться.

К середине XVII века кумыки, в значительной мере отрегулировав уже отношения с Россией и вместе с тем прибегая к помощи Персии, все активнее заявляют свои права на район низовой Сунжи (двойной увод брагунцев "в Кумыки", разорение русского Сунженского острога в 1653 году, походы по низовьям Сунжи), а в 1665 году кумыкский мурза Алхан во главе какой-то "деревни" оказывается уже на берегу Аргуна, в местности Чечен.

Все это подготавливало ситуацию, обильно зафиксированную источниками XVIII века, когда равнинный район правобережья низовий Сунжи (к северу от Качкальковского хребта, территория нынешнего Гудермесского района) оказывается под твердым контролем кумыков, влияние и власть которых распространяется на ряд вайнахских групп населения у подножия Черных гор, вплоть до места обитания карабулаков (орстхойцев). Можно полагать, что тогда и сложился окончательно довольно мощный пласт тюркоязычных топонимов (Гудермес, Исти-Су, Кошкельды, Ойсунгур и другие), обозначавших сферу влияния и присутствия кумыков на территории нашего края.

К концу XVIII века ситуация резко меняется. Перспективный и жизненно мотивированный процесс массового выселения вайнахов на равнину привел к новым этническим перемещениям, активизировал встречное движение вайнахских групп на "Кумыкскую плоскость", где уже задолго до того крепко обосновались вайнахоязычные аккинцы-ауховцы. Однако века прямого соседства, партнерства и взаимопроникновения не прошли даром. Кумыкские "следы" явственно читаются в последующей истории ряда районов Среднего Притеречья вплоть до сего дня.

Например, в селе Знаменском Надтеречного района обитает фамилия Бейбулатовых, коренных жителей этого селения, по происхождению кумыков, пришедших в эти места несколько поколений назад.

Более всего кумыкских переселенцев, осевших во второй половине XVIII века в Чечне, обитало в селе Виноградное, бывшем Бамат-Юрте (Грозненский сельский район). Как рассказывают его жители, это селение, образованное князем Баматом, делится на две части: Терик-аул (Гумки-юрт), то есть кумыкское поселение, и Чергес-аул. В последнем живут выходцы из чеченских тайпов Дышни, Беной, Сесан, Центорой, Ширдой, Гой и Ялхой. Жители Чергес-аула считали себя кумыками, но помнили свое чеченское происхождение и знали чеченский язык. Родным же языком они считали кумыкский. В Гумки-юрте живут преимущественно выходцы из Кумыкии. По рассказу одного из старожилов селения Ахмада Адакаева (1906 года рож-

дения), его четыре предка родились в Бамат-Юрте, а пятый - в кумыкском селе Эндери, откуда он переселился в Чечню.

Начиная с 20-х годов прошлого столетия кумыки, как зависимые князей Бековичей-Черкасских, переселяются на земли Малой Кабарды (селения Кизляр, Магомет-Юрт и другие). Во второй половине XIX - начале XX века эти кумыкские выходцы жили в селе Кизляр под Моздоком, а также в селениях Малгобек-балка и Чечен-балка, возникших неподалеку. Жителей этих поселений называли кизлярскими кумыками. Однако, как показывают этнографические материалы, они включали в себя не только кумыков, но и ассимилированных последними чеченцев и ингушей, предки которых поселились в этих местах не позднее начала прошлого столетия. По рассказу Мааса Гандалоева, жителя села Сагопш, в селе Кизляр (Гумки-Юрт) под Моздоком жили: кумыки, ногайцы, кабардинцы, чеченцы, ингуши. В это селение приезжали жители других селений (например, того же Сагопша), чтобы выучить кумыкский язык. По свидетельству того же информатора, население Гумки-Юрта - это потомки рабов и людей, собранных князем (видимо, имеется в виду один из Бековичей-Черкасских). Например, все Акбиевы, живущие в Кизляре, считаются кумыками, однако когда Маас (1890 года рождения) жил у них (ему было тогда 14 лет), то старики еще знали ингушский язык. Кроме села Кизляр, Акбиевы живут в селе Кичмалка, где также считаются кумыками, но по происхождению они ингуши.

В село Сагопш в начале XX века пришел кумык Гайрбек. В то время ему было не более 14 лет. Гайрбек не помнил уже в начале 70-х годов кумыкского языка, он считает себя "галгаем", женат на ингушке и дети его знают только ингушский язык.

В недавнее время, кроме названных сел и районов, кумыки относительно компактно проживали в городе Гудермесе.

Для представителей этого народа характерен живой интерес к собственным традициям и истории. В доме любого уважающего себя кумыка среди историко-краеведческих книг имеются труды кумыкских ученых по истории, языкознанию, этнографии.

Литература:

Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII - начала XX в. Москва. 1974.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Виноградовцы - кто они? // Заветы Ильича. 1989. 2 сентября.

НОГАЙЦЫ

Ногайцы - сравнительно небольшой народ, обитающий в Чечне, Дагестане, Ставропольском крае и Карачаево-Черкессии. Его история теряется в глубине веков. Кто они: пришлые кочевники, некогда переселившиеся в

стрекательства крымских ханов) "усобицах" в недрах ногайского общества, представители феодальной верхушки которого преследовали корыстные интересы. Такие военно-политические интриги сопровождались многочисленными перемещениями ногайцев, в том числе и переселениями их с Северного Кавказа. Они не раз болезненно затрагивали интересы России. В свою очередь царская администрация часто действовала с присущей ей жесткостью и самоуверенностью, обрушивая кары не только на феодальных интриганов и сепаратистски настроенных мурз протурецкой ориентации, но и разоряя, уничтожая полностью ногайские аулы и кочевья, неся слезы и горе широким массам степняков. Свойственная царизму политика "кнута и пряника" по отношению к ногайцам, как и к другим северокавказским народам, осуществлялась порой с привлечением таких видных деятелей отечественной истории как выдающийся полководец А. В. Суворов, военный талант которого использовался не раз для бессердечного подавления всяческих, в том числе и ногайских "мятежей".

Однако, вопреки сказанному, русско-ногайские взаимовыгодные отношения неуклонно набирали силу. Уже в конце XVII - XVIII веке путешественники и первые исследователи Северного Кавказа описывали ногайцев вблизи притеречных казачьих станиц, повествуя о них, как о постоянных партнерах гребенских казаков; о торговле ногайцев с обитателями Дагестана - горцами, кумыками. Появляются первые зарисовки внешнего облика ногайцев художниками из Петербурга. Все громче звучит их имя в русской поэзии и прозе. Например, немало внимания уделил хозяйству, народным обычаям и нравам ногайцев, их языку Л. Н. Толстой, бывавший среди них в округе казачьих гребенских станиц.

Вот, например, только лишь две толстовские дневниковые записи. 27 апреля 1852 г., после обращения к лекарю-ногайцу, записано: "Ежели кто-нибудь дурно отблагодарит за труды ногай-лекаря, то к нему прикинется болезнь, которую он вылечил. Шайтан. Лечение сведенных членов растиранием...". А 10 декабря 1853 г. сделал запись о некоем "бугре Чакка", в котором ногайцы находят оружие и доспехи. Выведены образы ногайцев и в художественных произведениях Л. Н. Толстого.

Непревзойденные образцы художественно-этнографического описания караногайцев оставил Ф. И. Капельгородский, который в 1910 - 1917 годах проживал среди ногайцев терского левобережья. В своих литературных опытах он вдохновлялся поэзией А. Пушкина и С. Нечаева, впервые в 1820-х годах отразивших многие особенности культуры и быта ногайцев - "пастырей неисчислимых стад", живших рядом с "гостеприимными кущами" гребенских казаков "по долам Терека цветущим...".

Большие изменения до сих пор не изученные и не осмысленные в этнической карте Северного Кавказа вызвал Персидский поход Петра I 1722 г. По сведениям караногайского пристава А. Рудановского и другим источникам, когда войска Петра I достигли владений Тарковского шамхала, ногайцы выбрали из своей среды четырех депутатов и отправили их к царю с предложением доставить для русской армии 40 000 четвертей разного провианта. За оказанные услуги и помощь Петр I разрешил 1000 семей аксакайско-сулакских ногайцев переселиться к северу от Терека и принял их в российское подданство. Они были освобождены от подчинения калмыцким феодалам. Это переселение значительно усилило ногайцев, кочевавших по р. Терек и в степях Прикаспия. Надзор за караногайцами Петр I возложил на князя Бековича-Черкасского, направленного на Кавказ в качестве петровского посланника.

В 1735 г. Россия была вынуждена уступить Персии территории Прикаспийской низменности, где кочевали и ногайцы. Не желая оставаться под властью Персии, они приняли российское подданство. Большая часть засулакских ногайцев также была переведена кочевать к северу от Терека. В целом, территория кочевания ногайцев в XVIII веке простиралась от Кумы и Кубани до Урала и Волги.

В начале 80-х годов XVIII века в среде закубанских ногайцев началось брожение, инспирированное, как считают современные ногайские исследователи, Турцией и Крымом. Часть их была переселена в северо-западные районы Караногая.

Таким образом в состав караногайской этнографической группы на протяжении XVIII столетия вливались переселенцы как из западных, так и из южных областей Северного Кавказа.

В 1793 г. на землях, где кочевали ногайцы, было образовано 4 приставства, в том числе и караногайское. Это было самое большое приставство площадью около 1 млн. десятин земли и населением 76198 человек (данные середины XIX века). Центром его была определена ставка Терекли-Мектеб, где находился пристав и его помощники, торговые лавки и пр. В начале XX века здесь были построены общественный дом с библиотекой и кинозалом, школа, пробурены артезианские скважины.

В 1847 г. Кавказская область, куда и входило Караногайское приставство, была преобразована в Ставропольскую губернию. В 1888 году Караногайское приставство с Кизлярским уездом было передано Терской области.

Противоречивым и болезненной системой было "вживание" кочевых по своим традициям ногайцев в общероссийскую систему. В границах крупного и перспективно развивающегося государства они решали многие свои жизненные проблемы. Но вставали и новые, порой загонявшие "в тупик", толкав-

шие на справедливое возмущение и открытую борьбу против засилья царских властей, вынуждавшие иной раз на отчаянные шаги.

Так, за поддержку частью ногайцев освободительного движения горцев Чечни и Дагестана более 300 их семей по приказу императора Николая I были переселены в Саратовскую губернию. Случались и репрессивные акции против "непокорных" ногайских аулов.

Дореволюционный автор И. Л. Щеглов так описал ситуацию, возникшую 130 лет назад: "Окруженные со всех сторон русским населением, казаками и регулярными войсками, не освоившиеся с оседлым бытом, стесненные в свободе кочевания, ногайцы невольно должны были задуматься над своей дальнейшей судьбой. Темные слухи (они распускались турецкими эмиссарами - врагами России) о предстоящем будто бы привлечении их к отбытию воинской повинности и принудительном обращении в христианство, несправедливости, причиняемые ближайшими к ним чинами администрации, разобщенность со своими соплеменниками и сородичами даже в пределах одной губернии, а может быть и родственные связи с оставшимися за Кубанью, вызвали в конце 50-х годов XIX-века массовое, хотя и мирное, выселение караногайцев в Турцию". Очевидец подчеркивал, что "ногайцы неохотно расставались со своей родиной...". Многие вскоре вернулись восвояси...

...В начале 1989 г. в городе Черкесске Ставропольского края вышел в свет объемный и содержательный труд И. Х. Калмыкова, Р. Х. Керейтова и А. И. Скалиева "Ногайцы. Историко-этнографический очерк". Многие его страницы посвящены давнему прошлому и современной культуре и быту тех примерно 10 тысяч ногайцев, что проживали в тогдашней Чечено-Ингушетии (главным образом на территории Шелковского района, которая была включена в состав автономной республики после ее восстановления в 1957 г.).

Глубокий след в памяти притерских ногайцев оставила всесоюзная научная конференция "Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды", состоявшаяся в 1991 году в селении Терекли-Мектеб. Ее бесспорные исследовательские результаты во многом питают содержание интереснейшего ногайского журнала "Половецкая луна", издаваемого с тех пор в г. Черкесске (главный редактор Иса Капаев).

Литература:

Виноградов В. Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкессии. Черкесск. 1980.

Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Скалиев А. И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988.

Кочкаев Б.-А. Б. Ногайско-русские отношения в XV - XVIII вв. Алма-Ата. 1988.

Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Москва - Терекли-Мектеб. 1991.

ОСЕТИНЫ

В гениальном лермонтовском "Демоне" прямо названа причина гибели жениха, спешившего к прекрасной Тамаре и попавшего в засаду: "пуля осетина его во мраке догнала". Однако в одноименном стихотворении А. Блока, написанном в день смерти художника Врубеля (автора живописного "Демона") этот сюжет звучит иначе: "Пусть скачет жених - не доскачет! Чеченская пуля верна!" (19 апреля 1910 г.). Что это? Дань цепкой памяти о яркой роли чеченцев в событиях давних тревожных лет на Кавказе? Или подсознательное ощущение близости "исторических ликов" двух народов, испокон веков живущих рядом и очень многим походивших друг на друга?..

Крупнейшая ветвь осетинского народа именует себя "иронцы", "ир". В устах чеченцев и ингушей осетины зовутся "хири". Как полагает молодой грозненский исследователь Х. З. Бакаев, последний термин может сопоставляться со старинным вайнахским понятием "хийра", обозначающим людей, которые не являются непосредственно родственниками, но воспринимаются, как принадлежащие либо к единому корню, либо к числу дружественных партнеров.

Действительно, глубоко в даль времен уходят тут корни соседства и родства. Всемирно знаменитая, прославленная в археологии "Кобанская культура", более всего известная стараниями выдающегося нашего земляка профессора Е. И. Крупнова, по праву объявлена им принадлежащей предкам и вайнахов, и осетин. В раннем средневековье этнические названия "аланы", "ясы" часто покрывали собой не только ираноязычное население Осетии, но и исконные группы обитателей нашего края, живших плечом к плечу с предками осетин в границах общего государственного образования. Один из первых северокавказских родственников - Юрий - сын Андрея Боголюбского от брака с некоей нашей древней землячкой - в пору невзгод "бежал к родичам матери своей Ясыни (т. е. аланки), на реку Сунджу" (скорее всего в крупный старинный город, что занимал сунженское побережье к западу от современной Алхан-Калы).

Из тех давних веков дошли до нас разнообразные свидетельства общности судеб соседних и тесно общавшихся народов. В язык ингушей именно из алано-осетинского наречья пришел звук "ф", не свойственный исконно вайнахским лингвистическим нормам. Некогда сильное и славное вайнахское "колono" карабулаков в устном народном творчестве именуется "нартэрстхойцами". Тем самым, как показывают исследования доцента

лах иранская в своей основе осетинская речь была не в диковинку. Не раз звучала она и в ходе дружеских встреч боевых товарищей по совместному участию во внешних войнах России. Ведь, допустим, только в Крымской (1853 - 1856 гг.) и русско-турецкой (1877 - 1878 гг.) войнах, как показали исследования Т. Х.-Б. Муталиева, в составе Терско-Горского и Чеченского полков генеральски сражались сотни воинов - вайнахов, осетин, сунженских и терских казаков, армян, грузин и т. д. Осетинские песни, танцы звучали на свадьбах, освящавших смешанные браки между соседними народами. Наблюдалась и случаи новых компактных переселений.

Так произошло, например, в 1913 году, когда неподалеку от крупной станицы Шелковской возникло целое осетинское селение Коби. Краевед Н. М. Еремин, опираясь на документы и предания, описывает случившееся так: "Через терские станицы проходил скотопрогонный тракт с гор Кавказа в Ставропольские и астраханские степи. Путь был длинный и тяжелый. Без помощи знакомых и кунаков в такой дороге не обойтись. Были у осетина Безикова такие друзья в станицах Шелковской и Щедринской. Кто-то из них и предложил основать братьям Безиковым хутор на песчанной дюне, где чудом выросли две молодые акации. Степной простор, наличие свободных пастбищ привлекли сюда малоземельных осетин из горного селения Коби, что у северного подножья Крестового перевала. В память о родном селении Безиковы, Цабаловы, Рубаевы, Чигоевы, Хамицевы, Кочоровы назвали новое село родным им именем..."

Евгения Степановна Безикова - дочь основателей осетинского хутора, а затем и селения, родившаяся в 1906 г. еще в том, высокогорном Коби - встретила нас приветливо у дверей добротного, светлого, большого дома. Рядом с домом - сад, виноградники, хозяйственные постройки для скота. Ее правнук внимательно прислушивается к рассказу, как первые переселенцы готовили саман, ставили жилища с земляными полами; как молодежь ходила на игры и свидания к двум акациям, единственным в ту пору местным деревьям, которые разнесут аромат цветов и нынешней весной..."

Осетины жили в Коби (как и в Грозном, Малгобеке, многих других населенных пунктах нашей республики) так, как подсказывал многовековой опыт добрососедства и истинно народные идеалы.

Литература:

Виноградов В., Бокова Л. Следы соседства и родства // Комсомольское племя. 1989. 22 апреля.

Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII - начала XX в. М. 1974.

Мужухоев М. Б. Прошлое для настоящего // Комсомольское племя. 1989. 14 сентября.

ИСПЫТАНИЕ "НА РОССИЙСКОСТЬ" (вместо заключения)

Представленные читателю очерки с неизбежностью побуждают затронуть тему актуальную и крайне болезненную.

Совсем недавно даровитый ростовский коллега В. А. Матвеев прислал нам сборник "Духовность России: истоки и современность".

Он открывается словами профессора С. А. Кислицына, в которых много горькой правды: "Тяжелое положение в экономике и в социальной сфере России. Сомнительное окончание и без того странной "чеченской войны", геополитическое одиночество нашей великой сверхдержавы - все это усиливает кризис в духовной сфере общества... Но идейные стимулы неоднократно подвигали русский и другие народы России на великие свершения и жертвы... В XX веке людей вела за собой коммунистическая идея, но сейчас она в силу ряда объективных и субъективных причин дискредитирована в глазах граждан. Популярная в начале 90-х гг. Демократическая идея уже перестала быть зовущим лозунгом.

Значит, остается надеяться только на Русскую (Российскую) патристическую идею, обогащенную всем лучшим из исторического опыта как досоветской, социалистической, так и постсоветской России..."

В нашей научно-творческой школе именно Российскость воспринимается как неизбывная основа русско-кавказского историко-культурного единства, охватывающего в нашем понимании полиэтничное население бассейна р. Терек. Российскость несет в себе многие черты евразийского характера, но со значительными социально-нравственными элементами, включающими в себя, в частности, равноправие и равноценность всех граждан, независимо от национальных, религиозных, имущественных и иных различий, которые, собственно, и определяют собой суть конкретных этнических образований. Российскость - порождение искреннего стремления лучшей части общества понять своих национальных партнеров и состроителей.

Эта небольшая книга историко-этнографических очерков пронизана той же идеей. И если в ней, к сожалению, не получила освещения историческая судьба собственно русского ("иностранческого") населения на Среднем Тереке, то это только потому, что данная тема очень глубока и неохватна, нуждаясь в специальном изучении и осмыслении, что сегодня еще недоступно авторам, ограничившим себя достаточно строгими рамками в русле понимания генеральной роли России в исторических судьбах многонационального региона.

Надеемся, что читатели поймут это!

СОДЕРЖАНИЕ:

К читателю	3
Терские казаки	5
Заселение казаками Притеречья	6
Основные хозяйственные занятия терских казаков	8
Духовная культура терских казаков	12
Аварцы и представители иных горнодагестанских народов (к. и. н. Н. Г. Волкова)	18
Армяне	22
Брагуны	26
Грузины	30
Евреи	34
Кабардинцы	38
Казанские татары (с участием Н. М. Еремина)	42
Кумыки (с участием к. ф. н. Г. Р., А.-К. Гусейнова)	46
Ногайцы (с участием З. З. Зинеевой)	49
Осетины	55
Испытание "на российскость" (вместо заключения)	59

Издание финансировано
администрацией г. Гулькевичи
Краснодарского края

Авторы сердечно признательны за оказанную помощь

Внимание!

Внимание!

Кафедра всеобщей истории Армавирского госпединститута и проблемная группа "Региональный компонент в содержании образования" Армавирской муниципальной общеобразовательной школы № 3 (при участии Армавирского межрегионального института усовершенствования учителей) готовит проведение осенью 1997 г. Пятой Северокавказской научно-практической конференции:

"ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ - ВУЗУ и ШКОЛЕ"

Тезисы докладов и сообщений (2 стр. машинописи) представлять (высылать) по адресу: 352900, г. Армавир Краснодарского края, ул. Р. Люксембург, д. 159. Армавирский госпединститут, кафедра всеобщей истории. Академику, профессору В. Б. ВИНОГРАДОВУ.

Заранее благодарим Вас за сотрудничество!

ОРГКОМИТЕТ.

ВИНОГРАДОВ Виталий Борисович

ВЕЛИКАЯ Наталья Николаевна

НАРОЖНЫЙ Евгений Иванович

НА ТЕРСКИХ БЕРЕГАХ

Очерки об исторических группах старожильческого населения
Среднего Притеречья

ДЛЯ ЗАМЕТОК